

Б И Б Л И О Т Е К А

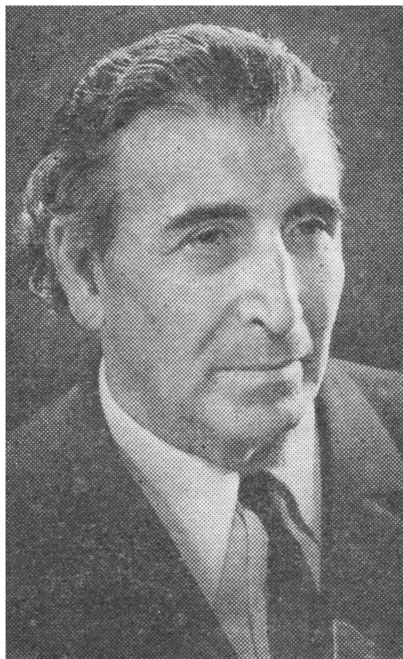
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 41

1981

Мирза ИБРАГИМОВ

СЕРДЦЕ МЕДИНЭ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 41

Мирза ИБРАГИМОВ

СЕРДЦЕ МЕДИНЭ

РАССКАЗЫ

Перевод с азербайджанского

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981 г.

Мирза ИБРАГИМОВ

Мирза Ибрагимов — выдающийся азербайджанский советский прозаик, народный писатель Азербайджана, академик АН Азербайджанской ССР, руководитель писательской организации республики, депутат Верховного Совета СССР, председатель Советского комитета стран Азии и Африки.

Невозможно перечислить все созданное Мирзой Ибрагимовым за почти полвека активной творческой деятельности. Тут и романы «Наступит день», «Слияние вод», «Перване», каждый из которых был вкладом в многонациональную советскую литературу, повести, пьесы, рассказы, литературоведческие работы, эссе и очерки по самым различным вопросам нашей социалистической действительности.

Для Мирзы Ибрагимова-писателя это ярко отразилось в рассказах, представленных в данном сборнике, наиболее характерное — активная жизненная позиция, желание исследовать и художественно отобразить самые глубинные процессы нашей жизни, внести свой вклад в строительство нового общества в нашей стране.

Мирза Ибрагимов удостоен звания Героя Социалистического Труда.

ПЕРИ-ХАЛА И ЛЕНИН

1

День был ненастный. Серые, угрюмые тучи на горизонте напоминали насупившиеся брови одинокой старухи, уже привыкшей и просыпаться голодной и засыпать голодной. Мутно-свинцовое небо висело над деревней Алмамык так низко, словно вознамерилось вдавить ее домики в землю. Непрестанно летящий с гор ветер был студеным, и потому грязь не просыхала неделями даже после скоротечного ливня.

Но повседневная страда заставляла крестьянина, еще не согревшего кости свои после зимних морозов, пренебрегать непогодой, покидать тесную лачужку и прилежно трудиться в поле, в саду, во дворе. Жизнь деревни бурлила по-обычному... Уже пролегли по улицам в топкой грязи узкие тропинки. Земля была иссечена копытами коров, буйволов, овец. Лишь грунтовая дорога, ведущая из деревни в город, была до того непролазна, что давно уже на ней не показывались ни фаэтоны, ни арбы.

Бездорожье, однако, не мешало городским новостям молниеносно добираться до деревни.

Вот отчего с утра у стога сена, за амбарами, собрались мужчины.

— Плохи дела-то у господ, не сегодня-завтра улепетнут из Баку! — возбужденно рассказывал батрак Вели, сероглазый, невысокий, но крепко скроенный.

Гаджи Гулу, в большой черной папахе, в чухе, с пышно-волнистой бородой, тревожно взгляделся в обветренное, бронзового оттенка лицо дерзкого батрака.

— Голодной курице просо снится! — сказал он, укоризненно покачав головою. — Сидишь вот и ждешь, когда позовут в гости и угостят халвой... А в России-то, мне говорили, люди по степям разбрелись, траву жуют... Большевики от голода прямо очумели! Да кто ж поверит, что они, босые, голодные, сюда доберутся? Опять же генерал Деникин удила закусил, в бой рвется!

Конюх Назар, жгуче-рыжий парень — у него не только усы, но и ресницы были ярко-медного цвета, — вызывающе засмеялся:

— Ну и сказал, Гаджи!.. Большевики Николая вышвырнули с царского престола, так неужто они не управятся с каким-то генералом Деникиным? Понохай-ка, чем пахнет, — грозою!.. Коли жив будешь — увидишь: вот-вот поднимутся и Грузия и Армения. Так объясни, почему же наш-то Азербайджан останется в сторонке?

Гаджи трясущимися от злости пальцами принялся быстро-быстро перебирать мелкие черные зерна резных четок. Его так и подмывало резко оборвать нагло самоуверенного конюха, не оказывавшего почтения старшим.

— Эх, конюх ты, конюх никудышный! С какими-то несчастными лошадьми не можешь справиться, а тоже мне — ведаешь, что творится на самом краю света. Уместно бы помнить, что годами я равен отцу твоему!.. И вот, бородой клянусь, большевики не успеют глаза протереть, как их прикончат и голод и англичане. Да так все твердят — не я один...

Конюх растерялся от такого натиска, смутился, будто стыдливая девица.

На выручку ему поспешил батрак Вели:

— Да дарует аллах благополучие твоей бороде, Гаджи! Конечно, твоя нога мудрее наших скудоумных голов... Но ради всевышнего прости меня, несмышленного, а все-таки замечу: если станешь верить всем сплетникам, то уши-то тебе растопчут, как дорогу на мельницу в урожайный год! Как, согласен, Гаджи?

Вели произнес эти ехидные слова с глубокомысленным видом, без улыбки, но слушатели заусмехались, поняли, что к чему, и обида опалила душу Гаджи Гулу.

— Погоди, погоди, — прошипел он, — попотчуют тебя большевики жирным пловом!.. Россию они досыта накормили, теперь черед за Азербайджаном.

— Не тоскуй, Гаджи, — в тон ему сказал батрак, — большевикам сюда, конечно, никак не дотянуться, это мы понимаем... Ненастье вот, делать-то нечего, ну и чешем языки попусту! Но говорят, что Ленин, сам Ленин из Москвы наистрожайше повелел оказать нашему Баку всевозможную помощь. И деньгами! И хлебом! И одеждой!.. Как ты, Гаджи, на это смотришь? Одобряешь?

Побагровев, Гаджи Гулу хотел было оглушить страшным ударом по голове батрака, крикнув при этом: «Вон с глаз моих, презренный болтун!..» Но поступать так было бы в нынешние-то времена неразумно, и Гаджи с трудом смирился — в пляшущих пальцах замелькали бусинки четок.

Конюх Назар молча разгребал грязь разношерстным чарыком, носок которого загнулсверху, словно петушиный гребень.

В глубине саманного амбара сторож Джафар-ами * подметал пол, вот он вышел за порог, бросил веник, выпрямился...

— Да продлит аллах жизнь Ленина, — благоговейно сказал он. — Говорят, что Ленин — первый друг всех бедняков на белом свете!

Гаджи Гулу с отвращением взирал на Джафар-ами: все — и серые волосы его, и реденькая борода, и тощая, согбенная фигура, — буквально все в старце вызывало раздражение богача. И Гаджи отвернулся, будто тошнота перехватила ему горло.

— Послушай, Вели, — вдруг задал он каверзный вопрос батраку, — ты ведь обо всем осведомлен, так вот скажи: какой веры Ленин?

Пожалуй, Вели догадался о замысле Гаджи — не ответил, почесал затылок с видом крайнего простодушия. Но Джафар-ами немедленно откликнулся от амбара:

— Мусульманин! Нет никакого сомнения, Ленин — мусульманин!

Гаджи Гулу бросил на старика грозный взгляд.

— Что ты суешься под ноги, как грязный половик? Не твоего ума это дело, пойми! Подметай амбары да славь неизреченную доброту аллаха!.. — И заметил вполголоса: — А мне говорили, что Ленин — идолопоклонник!

Конюх Назар погладил рыженькие усы, решительно возразил:

— Глупости! Идолопоклонники живут в Иране, а не в России!

— Может быть, он приезжий? — настаивал Гаджи.

— Да разве идолопоклонник осмелится свергнуть с трона падишаха? Подумай-ка, Гаджи. Не могло этого быть на свете. Ленин обязательно христианин.

Джафар-ами не согласился.

— Твердо знаю — мусульманин! Правоверный борец за справедливость!

Начался жаркий спор, и неведомо, чем бы он закончился, особенно после того, как батрак Вели заявил:

— Ленин вообще не придерживается никакой веры. Он хочет создать царство божие на земле, помочь всем неимущим и обездоленным! Он стремится освободить людей от кабалы.

— Если это так, то одобряю! — подхватил Джафар-ами.

В это время на косогоре, вдалеке от деревни, появился какой-то экипаж, и спорщики сразу же заинтересовались им.

— Эй, люди, а ведь это фазтон бека, — прищурившись, сказал Гаджи Гулу. — Что заставило его пуститься в путь по такой грязи?

— Быть не может! — не поверил конюх. — За каким это чертом он станет ломать колеса по ухабам? — Но все-таки Назар встревожился.

Старик Джафар-ами тоже на всякий случай взял в руки веник, как бы желая показать свое усердие, но успел заметить:

— Фазтон парный! А кто седоки, не различаю.

Опять вспыхнул свирепый спор — кого же нужда заставила в такую непогоду тонуть в дорожной трясине? Пристав!.. Неминуемо пристав, и едет он в деревню на поиски убийцы стражника: недавно ведь свершилось это злое дело... По мнению почтенного Гаджи Гулу,

это спешил скупщик фруктов: уж ему-то нужно было безотлагательно договориться с крестьянами о покупке яблок и груш... Но Джафар-ами с порога амбара высказал предположение, кипятком обдавшее сердца спорщиков:

— Мусаватисты* объявили мобилизацию! За новобранцами едут. Надо бы предупредить парней — пусть скроются, пока не поздно!

Батрак и конюх с тревогой переглянулись и со всех ног припустились в огороды... Игравший неподалеку мальчик услышал догадку Джафар-ами и во всю пруть помчался по улице, оповещая, как глашатай, жителей о недоброй вести. В деревне поднялся переполох. Фазтон еще колыхался в ухабах, а рыдающие женщины уже призывали сыновей, прятали их в погребах, в стогах сена, в ямах за садами и огородами.

Наконец-то взмыленные кони дотащили фазтон до деревни, и сбежавшиеся жители узрели, что в нем развалился дородный Шахбаз-бек, в черкеске, в серой каракулевой папахе. Бек никогда не отличался добрым нравом, а тут и вовсе волком глядел на встречавших: то ли устал, то ли стряслась беда...

От изнуренных коней шел пар. Не только ноги, но и бока их, увешанные бубенчиками и парчовыми кистями, были плотно залеплены ошметками грязи. И лакированный фазтон был тоже густо замазан жидкой глиной. Брызги грязи застыли на дорогом сукна черкеске бека, на усталом лице кучера.

Едва сипло дышащие кони доволокли фазтон до середины деревенской площади, тотчас вокруг тесным кольцом столпились крестьяне, женщины, дети. Пристально, не мигая смотрели они молча на бека, и взоры их были мрачны, как низкое пасмурное небо, придавившее деревню... Неожиданно в толпе появился осмелевший батрак Вели: как видно, решил, что двум смертям не бывать, одной не миновать.

— Н-да, недаром ходят слухи, что дни господ сочтены! — громко засмеялся он. — У бека такой похоронный вид, словно корабль его затонули в бурном море!

Бек тяжело шагнул с накренившегося фазтона, и толпа отхлынула.

— Что ты там бурчишь, а? — властно гаркнул он.

Вели был не робкого десятка.

— Молился за вашу жизнь!.. Скорее б жаркое солнце взошло, и дорога б просохла, и вы, бек, спокойно доехали бы до города!

Мальчишки прыснули было от смеха, но матери затолкали их, зашипели. Окинув притихшую толпу грозным взглядом, бек снова обратился к дерзкому батраку:

— Так... А еще какой благодати ты молил у аллаха?

— А еще я просил творца: даруй нашему беку долголетия и прекрасного здоровья, чтобы мы, грешники, вечно жили в тени его славы!.. Если разрешишь, всемиловитый бек, кое-что еще скажу.

Гаджи Гулу было невыносимо терпеть глумление мерзкого батрака над высокочтимым беком. А затем Гаджи Гулу испугался, что горлопан Вели надумает жаловаться на произвол и поборы деревенского старосты. И, ожесточившись, бек обрушит свой гнев на агсакалов, на того же Гаджи Гулу: дескать, распустили молодежь, этак и большевистские семена упадут на добрую почву...

— Помалкивай, помалкивай! — строго одернул Гаджи батрака. — Бек устал с дороги, ему нужно отдохнуть. Потом придешь со своими глупыми претензиями! — И протянул руку к вороту рубашки Вели, чтобы встряхнуть смутьяна.

Батрак спокойно отвел его руку.

— Весь народ знает, что я никогда попусту не болтал языком! А если есть неотложное дело, то обращусь и к губернатору.

— Бек, всем жителям известно, что у наглого батрака нет ни ума, ни стыда! — плачущим голосом сказал Гаджи, заискивая улыбаюсь беку. — Не обращай, благодетель, внимания!.. — И показал Вели кулак: мол, уймись.

Однако Вели не унимался:

— Разреши, бек, задать только один вопрос, чрезвычайно важный.

— Да уведите вы его, — засуетился Гаджи Гулу, — бек устал, изнемог!.. Эй, люди, разойдитесь, дайте дорогу высокородному беку! А батрака гоните в шею!

В толпе послышались возмущенные голоса:

— И батрак — такое же создание всевышнего, как ты, пышнобородый!

— Что, батрак не человек?

— Дайте ему говорить, не затыкайте рта!

Как видно, Гаджи Гулу переусердствовал, а по нынешним временам это было рискованной затеей. И хитрый бек сразу сообразил, как ему надо поступить: поднял руку, призывая толпу к спокойствию, и, не глядя на батрака, разрешил ему:

— Спрашивай!

— Да будет долгой жизнь почтенного бека, — начал Вели, когда на площади стало тихо, — а я хочу знать: будет ли разрушен наконец очаг Кязима? Построит ли бек на его месте высокий дом со светлыми окнами, с балконом?

Черные густые усы бека угрожающе зашевелились, он рывком поднял ременную плеть, но Вели не отступил, насмешливо улыбнулся. И бек принялся счищать плетью грязь с фасонистого сапожка.

— Развалины лачуги Кязима, да и всю вашу богом проклятую деревню я продаю вот сему господину, и моему и вашему гостю! — злорадно сказал бек и показал плетью на фазтон.

Толпа ахнула. Только теперь собравшиеся заметили, что в углу фазтона съежился в маленький комочек бледный господин в котелке,

в сюртуке, закутанный пледом. С кривой улыбкой он посматривал на изумленных крестьян.

— Да-а, плохи ваши дела, господа беки и господа коммерсанты! — вздохнул Вели и нырнул в тотчас же сомкнувшуюся за ним толпу.

2

Весенние тучи, омыв сверкающими ливнями сады, поля, луга, уплыли к югу, и над деревней, над еще оголенными, скелетообразными яблоневыми садами поднялся серый непроницаемый туман. Этот туман зарождался в долине, богатой реками, родниками, в степях, угрюмых, бесконечно однообразных, бесцветных, и, окрепнув там, постепенно сгустившись, гасил слабый свет пасмурного дня. Вечерняя тьма упала внезапно. Пожалуй, крестьяне, с наступлением весны безотлучно работавшие в поле, в садах, и не замечали, как завершился трудовой день и когда пришел темный вечер.

Но Пери-хала все видела, все чувствовала, все замечала. Ибо не было у нее ни своего сада, ни своей коровы, ни своего очага. Вот уже много лет, и зимой и весною, после тяжелой поденщины у богатых соседей, после работы на чужих дворах, чужих делянках, она выходила за деревню, садилась и, обняв руками колени и положив голову на руки, погружалась в глубокое раздумье. Но не только в эти минуты одинокого отдохновения, когда она то мечтательными, то тоскливыми большими черными глазами созерцала жизнь, но и в часы труда Пери-хала, как все люди, изрядно хлебнувшие горя на своем веку, чутко подмечала течение времени... С рассвета до сумерек, и вечером, и глухой ночью она ведала все, что творится вокруг нее: и менявшие в соответствии с полетом солнца окраску свою горы, поля и блеск молний, огненным кинжалом испарывавших завесу туч и устрашавших землю и обитателей ее,— отражались в ее очах, и младенческий лепет горных родников, и радостно-ликующий шум весеннего паводка, и страшный грохот раскальвавшегося в грозовом взрыве неба — эхом откликались в ее ушах.

Да, кровоточащее сердце Пери-халы, израненное в суровых испытаниях жизни, не окаменело, а трепетно отзывалось на вечное обновление, на весеннее пробуждение многокрасочной и полнозвучной природы...

С первого невнимательного взгляда на ее запатанную, потертую юбку из черного сатина, на ее мятую кофту, прохудившуюся на локтях, на ее потрескавшиеся, будто обуглившиеся ноги — и в зимнюю стужу и в летний зной она ходила босая — можно было необдуманно предположить, что Пери-хала замкнулась в своем горе.

И точно: нужда была ее колыбелью, нищета — ее верной спутницей, несчастье — ее вероломной судьбою, ее загадочной подругой жизни.

Но стоило попристальнее всмотреться в нее, понаблюдать за нею, и тогда можно было убедиться, что движения Пери-халы полны врожденного благородства, что статное тело ее не утеряло красоты, что глаза ее ярко сияют умом, что преждевременно поседевшие косы ее под темным платком достойно венчают ее высокое чело, что она не беспомощная, не жалкая, как показалось сперва, что она всегда сможет отстоять свою честь.

Когда-то Пери-хала наслаждалась счастьем, и был у нее очаг, и любящие родители согревали свою крошку нежными объятиями, и мужественный юноша, с пламенным сердцем, с отвагой и преданностью во взоре прижимал ее, свою любимую, к груди, и дети ее единокровные играли у ног Пери-халы, готовые с бесконечной покорностью, свойственной деревенским малышам, выполнить любую ее, материнскую, волю. Когда-то и она дремала на материнских руках, и снились ей сладкие сны под напев колыбельной песни, когда-то и она с замиранием сердца надевала заветное платье невесты... Куда же исчезло все? Какая злая буря судьбы вмиг разметала ее очаг, обездолила ее жизнь? Полно, да было ли все это на самом-то деле? Может, это ей почудилось в минуты вот такого, как сейчас, одинокого забвения?

В детстве отец рассказывал ей, что живет на белом свете, за семью реками, между семью горами, лицемерная, коварная, сладкоречивая старуха колдунья, окованная семью волшебными кольцами. И днем и ночью крутит колдунья веретено, и прядет нити человеческих судеб, и швыряет клубки в долину. Свирепые ветры раскидывают клубки в разные стороны и рвут нити, и обрывки прилипают то к колючке шиповника, то к горным утесам, то падают в реки и плывут по течению. А порою безумие колдуньи до того доходит, что она сама путает нити судеб людских, и мнет, и ударяет клубки друг о друга, и терзает их, пуская клочья по ветру... Потому-то царит в мире смута, путаница, неизбывное горе, потому-то льются горькие слезы бедняков и неудачников. И если один человек терпит непрестанные бедствия, а другой нежится на солнце, и если тебя терзают болезни, а недруг твой возвышается и обогащается, если сосед твой лишается очага, а удачливый злодей возводит усадьбу, то все это зависит от той самой мстительной колдуньи — ведь все концы нитей судеб людских в ее крючковатых пальцах!.. Ты стараешься, суетишься, из кожи лезешь, чтобы хоть как-то уладить свои дела, сохранить свое местечко под солнцем, а колдунья-то нити перепутала и обрекла тебя и род твой на вечные лишения! И все люди безропотно покорились этой зловерной колдунье. Зовут же ее — Время... И не нашлось еще такого смельчака, который с открытым забралом бросил бы ей вызов на единоборство, пошел бы на поединок и, пусть ценою своей жизни, спас бы человечество от этих вечных страданий.

Пери-хала чистосердечно верила во всемогущество колдуньи — не мог же отец обмануть свою любимицу дочку! — но в глазах ее и поныне не потухали искорки надежды. И днем и ночью, и зимою и летом она ждала какого-то светлого чуда, прихода счастья — так благоухающая фиалка, поднимающаяся из холодной земли весною, ждет прикосновения жаркого луча солнца... Так притихшая, как бы оцепенелая зимней непогодой земля, и только-только начинающие расцветать яблони, и нежно изумрудные травы, свежо зеленеющие на склонах гор, тоскуют, со смиренным терпением ждут благотворного солнечного тепла. И Пери-хала чувствовала, что вся деревня, все люди тоже живут только этой надеждой, этой верой в завтрашнее счастье. И, видя это, как бы растворяя свою судьбу в большой судьбе народной, во всенародном ожидании, Пери-хала испытывала блаженство, сердце ее трепетно колотилось, по телу разливалось волною что-то сладостное, в ушах ее звучала задушевная песня, будто колыбельная, и глаза ее невольно устремлялись к глинобитному домику на самой окраине деревушки, к маленькому яблоневому саду перед его окнами.

И сегодня, с той самой минуты, как она вышла за околицу, Пери-хала неотрывно смотрела на домик и сад, и она так загляделась, что не заметила рыжую телку, отбившуюся от стада и забредшую на зеленую делянку пшеницы. Пери-хале отсюда было видно, что дожди усердно размывают заднюю, давно не мазанную глиной стену дома. Вот так год за два не замазывать да не белить — стена и рухнет... И щель пролегла уже по камышовой крыше, ветер и дождь вползают туда, неустанно расширяют дыру. А садик!.. Да на него смотреть горестно! Никто не ухаживал давным-давно за деревьями, не вырезал засохшие сучья, не рыхлил почву, и деревья старели преждевременно, как сама Пери-хала. И осиротевшие яблони как бы стонали: «Где ты, наш хозяин? Приди!», — и Пери-хала слышала их жалобы, и сердце ее разрывалось от сострадания. Глаза ее, только что горевшие надеждой, потускнели, как бы заволоклись поднявшимся из глубины души туманом тоски. И слезы покатались по коричневым от загара, морщинистым щекам ее.

— Эй, Пери-хала, очнись, встань-ка! — раздался зычный голос. — Скоро рыжая телка начисто сожрет делянку бека!

Это Вели, неунывающий батрак Вели, известный всей деревне своими смелыми шутками и прибаутками, направлялся к Пери-хале. Он смеялся и шутил и тогда, когда голодал, и тогда, когда был сытым, а это, к слову, случалось крайне редко. Он отважной улыбкой встречал все превратности судьбы, все злые ухищрения и проделки колдуньи Времени, и старуха, терзавшая и донимавшая всех людей, беспомощно отступала перед Вели.

— Чего ты, Пери-хала, пригорюнилась? Мало, что ли, горя нахлебалась в жизни? — весело спросил батрак. — Пора бы приобрестися!

Но, подойдя ближе, Вели увидел слезы в ее выцветших глазах и заметил, что взгляд Пери-халы устремлен на саманный домик, окруженный яблоневым садом, и все стало ему ясным.

— Проклятое время! — смутившись, проворчал он и, усадив поднявшуюся было тетушку, сам замахал палкой и с криком: «Эй, околеть бы тебе! Пошла вон!» — побежал к бекскому полю.

А Пери-хала и взаправду приободрилась при появлении задорного весельчака, и ей показалось, что глиняная лачужка тоже повеселела, улыбнулась ей: «Пора бы тебе, хозяйшка, прийти, и смести с меня пыль, копоть, и побелить стены мои, и вымыть окна, как перед праздником. Не забывай меня. Ведь я дарила тебе счастье! Не дай мне рухнуть, приди и спаси!..» И, как бы оправдываясь, Пери-хала ответила хижине изреченным сердцем своим: «Очаг мой, прибежище мое, с тобою, в тебе остались светлые дни моего бытия. Мечты мои свили гнездо, как ласточки, в твоей застрехе!.. Дети мои научились ходить на твоём глинобитном полу, произнесли первое слово под твоей крышей. Не разваливайся, потерпи, моя лачужка!.. Я дышу, я стою непоколебимо — значит, крепись и ты!».

Порыв свежего ветра, прилетевшего с полей, встряхнул ветви яблонь, и они зашелестели и будто прошептали Пери-хале: «Летом некому нас поить родниковой водою, весной некому разбить коросту окаменевшей земли на корнях наших! Прохожие самовольно нагибают наши ветви и рвут незрелые плоды, и нам давно уже не приходилось наслаждаться творением своим — налившимися зноем солнца и соками матери-земли полновесными яблоками! Ты же сама извела горе матери, у которой отняли родимое дитя, и молоко пересохло в ее груди. Вот такое же горе сейчас у нас — яблонь! Приди, будь по-прежнему нашей заботливой хозяйкой!..»

Широковетвистая яблоня, выделявшаяся своей статью среди всех деревьев, бросающая летом прохладную тень к порогу дома, оберегающая зиму его от пронзительных горных ветров, как-то по-особенному дружелюбно смотрела на тетушку.

И этому были свои причины: вся история маленького садика началась с этой красавицы яблони. Ее посадил, по-отечески заботливо опустил корнями в ямку Кязим, муж Пери-халы, в первый же день после свадьбы. Пока яблонька не окрепла, не возмужала, Пери-хала досыта поила ее водою из арыка. А когда яблоня привольно раскинула в вышине ветви, под ее шелестящим благоуханным шатром Пери-хала в лунные ночи, в солнечные дни щедро делила с мужем и радость и огорчения, свет любви и сумрак житейских невзгод; здесь она напевала колыбельную детям своим, и яблоня вторила шелестом сладкозвучному ее голосу.

И этот двухоконный домик, и сад с цветущими яблонями, это гнездо, созданное, взлелеянное неустанным трудом семьи на протяжении многих лет, было в один миг сметено бурно kloкочущим ураганом.

Пери-хала могла бы забыть имя свое, имя сына своего первородного, но тот страшный вечер она забыть не в силах...

Кязим уже вернулся с поля, где поливал озимые; сын Назим вместе с друзьями-чабанами пригнал с яйлагов отару и заночевал дома; десятилетняя дочка Телли, болезненная от рождения, в этот вечер развеселилась, шалила напропалую. И, видя это, радуясь семейному благополучию, Пери-хала как бы окрылилась, летала по дому и саду, работа так и кипела в ее ловких прилежных руках. Вечер стоял ясный, теплый — поужинали под яблоней, и хозяйка поставила маленький медный самовар и собрала посуду, когда из-за дома неожиданно-негаданно появились Шахбаз-бек и двое телохранителей.

Быстро вскочив с коврика, Кязим и Назим отвесили почетному гостю низкие поклоны, пригласили к трапезе. Пери-хала поспешно прикрыла лицо платком согласно обычаю и отошла в сторону, но не ушла, а ожидала распоряжений мужа.

Однако бек не опустился на ковер, а поманил к себе Кязима и что-то произнес совсем тихо. Пери-хала увидела, как вздрогнул всем телом муж, услышала его дрожащий голос:

— Да буду слугою детей твоих, милостивый бек, но откажись, умоляю, от такого несправедливого намерения!

— Послушай, какая тебе-то разница?! — вспыхив, прикрикнул Шахбаз-бек. — Даю, кажется, такую же землю под хижину, помогу вырастить такой же сад!.. А здесь мне очень нравится. Здесь я себе новый дом поставлю. С балконом. С высокой крышей!

— Умру — не соглашусь, бек! — бестрепетно сказал Кязим, поняв, что упрашивать бека бесполезно.

— Еще как согласишься! — пренебрежительно отмахнулся Шахбаз-бек, и слуги его подобострастно захихикали. — Земля-то еще моя — не все деньги выплатил... Ну и молчи! Выдумал тоже, на моей земле хозяйничать!

— Мы давно, бек, погасили долг! — не выдержал доселе молчавший Назим. — Неверно ты говоришь.

— Что-о-о? Щенок большевистский! — взвыл бек, багровея. — Куда суешься?.. Решил, что я оглох? Э, нет, нет, все слышу, все знаю! И о твоих бунтарских разговорчиках с чабанами мне доподлинно известно.

Назим побледнел, но не опустил глаз, выдержал пылавший тяжелой ненавистью взгляд Шахбаз-бека.

— Знаем, знаем, что и у тебя и у слуг твоих острый слух, почтенный бек! — сказал он с явной насмешкой.

Благоразумный Кязим остановил сына, почуяв, что нельзя беспредельно натягивать струну — лопнет.

— Молчи, сынок! Бек — наш хозяин, покровитель. Он старше меня, а о тебе и говорить нечего... Не дерзи, смирись!

— Боюсь, что запоздал с отцовскими поучениями! — пригрозил бек и ушел со двора, не попрощавшись, не оглянувшись.

Через несколько дней Назима арестовали. Начались черные дни. Бесконечно вызывали Кязима на допросы к приставу, к следователю. Навещали каждодневно и дома, кичливые чиновники требовали купчую... Кое-какие документы нашли, а кое-какие, явное дело, затерялись — ведь в те времена в деревне все сделки заключались на веру, не на бумаге. Скоро и Кязима верховой стражник угнал в город, а Пери-халу и маленькую Телли бекские сатрапы выбросили из дому. Пришла горестная весть: Кязим скончался в каземате, якобы сердце не выдержало, — наверно, забили до смерти... Хилая крошка Телли угасла, как свеча на ветру... Осталась Пери-хала одна под осенним небом, и никто не сжалился над нею, не приютил, все крестьяне опасались прогневать грозного Шахбаз-бека. А батраку Вели хоть бы что! — предоставил Пери-хале убежище в хлеву, там, где и сам обитал.

И начала бедняжка работать на поденщине — то чужое стадо пасла, то навоз выгребала из хлева, то рыхлила землю в соседских садах...

Кто поможет ей вернуть понапрасну загубленное счастье? Кто заступится за нее? Немыслимо воскресить опору семьи — Кязима, но неужто нельзя вызволить сына Назима из темницы? А первенец теперь единственное прибежище, успокоение Пери-халы... Но, видно, напрасно она мучает себя несбыточными надеждами. Нет в мире такой силы, которая поборолась бы надменного Шахбаз-бека: ведь все начальники его закадычные приятели-собутыльники... И, отчаявшись, Пери-хала запела заунывно, тоскливо:

У скалы я защиты искала,
Пошатнулась скала и упала.
Видно, горе мое тяжелее —
Повалило гранитные скалы.

А батрак Вели уже прогнал нахальную телку с бекского клина и вернулся к тетушке Пери. Усевшись с нею рядом на траве, он вынул из залатанной пастушьей сумы краюху ячменного хлеба и пару яиц. Руки у него большие, грубые, а сам Вели низкорослый, но крепкий, литой. И большой рукою он разломил хлеб, подал Пери-хале кусок и сваренное вкрутую яйцо.

— Не тужи, тетушка! Возьми, подкрепись... Никогда зло в мире не оставалось без отмщения. В это я верую, Пери-хала! И за неслыханное надругательство над тобою покарают преступников!

Некоторые односельчане считали, что Вели так отзывчив к страданиям близких, так ревнив к любой несправедливости лишь потому, что в глубине-то души он относится ко всему на свете с превеликим

равнодушием. Таким уж уродился — беспечным, насмешливым! Что с него возьмешь?.. И случалось, в лицо бросали батраку попреки: «Счастличик! Ни голод, ни холод тебя не берет. Так и всю жизнь провалешься в тени развесистого дерева!»

Но Пери-хала теперь твердо знала, что это заблуждение. В груди батрака, которому только бы паясничать да забавлять шутками слушателей, билось любвеобильное сердце, кровоточащее болью за обездоленных и угнетенных.

И сейчас Вели по-сыновьи ухаживал за тетушкой, настойчиво убеждал ее подкрепиться.

— Не сердись, глотка воды не могу проглотить,— сказала Пери-хала, но, чтобы не обидеть юношу, отщипнула от краюшки кусочек сухого хлеба.

А парень за обе щеки уписывал хлеб, и на лице его было написано блаженство. Насытившись, хлебнув воды из фляжки, он зорко оглянулся по сторонам и, убедившись, что поблизости нету любопытных, только коровы и овцы на лугу, шепнул тетушке:

— Знаешь, Пери-хала, котел придавлен тяжелой крышкой, но пар уже забушевал!.. Счастье улыбается ныне нам, тетушка! А господа собираются бежать в теплые края!

— Какие господа? — Пери-хала отвела задумчивый взгляд от саманной хижины, от сада и с удивлением посмотрела на парня.

— А вот такие!..

И Вели запел вполголоса, с расчетом, чтобы услышала одна Пери-хала:

Пируйте, наслаждайтесь, господа!

Что вам до страданий голодных слуг.

У вас пшеничный хлеб, у нас — из проса,

А печи-то сложены из одинаковых кирпичей.

— Поняла? — спросил он тетушку, но Пери-хала как будто ничего не поняла, и Вели с жаром сказал: — Шахбаз-бек, Султановы, прочие волки в овечьих шкурах — вот о каких господах толкую!

— Не знаю, сынок, не знаю,— устало вздохнула тетушка.— Видно, лишь всевышнему доступно разобраться в нынешних делах. Конечно, бесовская храмина корысти и злата должна неминуемо развалиться... Когда муравей чует приближение смерти, то у него вырастают крылья! Наши повелители — беки обросли и крыльями и кинжаловидными рогами. Но гляжу я на судьбы человеческие и диву даюсь: то судьба вознесет правоверного превыше гор, то сбросит в бездонную пропасть. Как же можно сладить с этой вероломной судьбою? Кто узнает свое завтра, заглянет в будущее? Вот и кажется мне, что никто не устоит перед Шахбаз-беком...

— Э-э-э, тетушка, ты видела могучие столбы, а их сейчас колот на дрова! — возразил батрак.— Другие времена настали. Ленин,—

слыхала?— Ленин перевернул вверх дном всю Россию, у него в Питере правительство рабочих и крестьян. Власть Советов!..— с упоением воскликнул Вели.— Ясновельможные беки трясутся при одном упоминании имени Ленина. По ту сторону Шахдага наши братья дагестанцы уже перешли под знамена Ленина. Это я знаю достоверно!.. Сегодня-завтра подымутся бакинские нефтяники! Ты, Пери-хала, мне не поверишь, но Ленин, именно Ленин и вернет тебе сына, дом, сад. Сам Ленин!

Зимними вечерами, когда мычание коров да блеяние овец тревожили морозную темную тишину деревни, Вели не раз, не два, горячась, волнуясь, рассказывал тетушке о Ленине. Батрак, копавшийся вечно в навозе, не видевший, кажется, ничего, кроме загаженного овечьего хвоста, оказывается, был дальнорорким и видел отсюда, из богом забытой деревни, все, что творилось на свете. Будто сам аллах послал батрака ободрять и воодушевлять Пери-халу в дни ее бедствий, быть ее опорой, ее кормчим. И благодарная тетушка от чистоты души молилась за жизнь и всяческое благополучие юноши.

— Верю! Почему же не верю?..— сказала Пери-хала, но голос ее прозвучал слабо, неуверенно.— Самому богу бы слышать из твоих уст, сынок, такие хорошие вести!.. Но вижу, что о Ленине охотнее говорят те, у кого погас светильник и нету медного гроша, чтобы купить керосина. Да хватит ли у Ленина силы, чтобы накормить всех голодных, успокоить всех скорбящих? Пусть же всевышний укрепит его мужество и спасет от коварства старухи Времени! Когда ты упоминаешь имя Ленина, то душа моя светлеет!..

Пери-хала поднялась и быстро пошла к пшеничному клину, куда опять норовила ворваться рыжая телка.

3

Шахбаз-бек и крохотный купец в сюртуке и котелке, с бледным остреньким личиком больше ни разу не появлялись в деревне. И никто не узнал, благополучно ли завершилась сделка... Крестьяне толковали, что бек хитер, изворотлив — увидел, что наступили ненадежные времена, вот и вознамерился отделаться от нищих, разоренных арендными поборами деревень, превратить их в золото, а золото, как известно, и прятать и увезти в далекие края легче. Но даже деревенские мудрецы не могли понять, глуп или мудр покупатель... Никакого следа в памяти крестьян купец не оставил. Он ни разу не раскрыл рта, не произнес ни единого слова, ни о чем не осведомился у встречных, только усмехался кривой улыбочкой. Понравилась ли ему деревня? Пришлись ли по душе поля, луга? Как приехал, забившись комочком в угол фаэтона, так и отбыл восвояси, безмолвный, нелюдимый.

Но вслед за Шахбаз-беком и таинственным покупателем ушли внезапно ночью из деревни батрак Вели и чабаны. Их-то куда понесло? Счастья искать на чужой стороне? День миновал, другой на исходе, а никаких вестей о парнях, будто сквозь мать — сырую землю провалились.

И опять деревня забурилась противоречивыми слухами, пересудами. Кто-то сказал, что батрак и чабаны отправились в Баку на нефтяные промыслы. Джафар-ами горячо одобрил их поступок:

— А чего им, беднякам, в деревне делать? Здесь каждый протягивает руку и говорит: «Дай», но я что-то не слышал, чтобы великодушно предлагали: «Возьми!..» Крестьяне вечно голодали, унижались, мучились. Так было, так и будет до скончания века! А станут парни рабочими, да еще нефтяниками, гляди, что-нибудь надумают!..

Многие односельчане склонялись к мысли, что Вели и его приятели чабаны арестованы и томятся в каземате. Во всяком случае, Гаджи Гулу, человек во всех отношениях степенный, осмотрительный, упорно твердил:

— Среди бела дня, при честном народе этот голодранец, этот сын прибудной собаки оскорбил высокопоставленного бека! Другого конца у него и не могло быть. — И он во всем обвинял Вели. — Мне этого наглеца нисколько не жалко. Но напрасно обречены на муки бедняки чабаны!.. Из-за сухой щепки испепелились сырые дрова. Бунтарь уволок за собою в заточение пятнадцать невинных юношей. Недаром старцы говорят: идущий в ад ищет себе надежных спутников!.. — Помолчав, насладившись смущением оробевших слушателей, Гаджи добавил: — Всегда терпеть не мог этого поджигателя!

А Пери-хала, к изумлению окружающих, слушала эту хулу с равнодушным видом, хоть раньше она неизменно заступалась за Вели. Но это происходило не потому, что измученное сердце тетушки очерствело, а потому, что она одна в деревне провожала на кровавую стезю батрака и чабанов.

Поздним часом Вели плотно прикрыл дверь хлева, затеплил глиняный светильник и сказал тетушке:

— Звезда засияла, брезжит рассвет, Пери-хала. Дальние ветры стучатся в наши ставни. Мы должны уходить, ибо настала очередь нашего Азербайджана! Теперь свершились сроки: либо мы их, либо они нас. Справедливо говорится: готовься к худшему, тогда добьешься лучшего... Если погибну — не поминай лихом! Коль обидел чем-нибудь, прости. Ты, Пери-хала, была мне матерью родной!

— У меня два сына: Назим и ты, — сказала Пери-хала и благословила Вели на страдный путь. Сердцем она чувствовала, что этот путь будет и опасным и тяжким, но иного выбора нету: Вели обязан выполнить свое предназначение. — Желаю тебе, сын, счастья.

— Пери-хала, никому ни слова!

— Могила скорее заговорит, чем я.

Вели дунул на светильник, и тьма скрыла его; скрипнула лишь дверь.

И тогда тетушка, задыхаясь, побежала за парнем, остановила, коснувшись плеча.

— Слушаю, матушка! — сказал Вели.

Счастье вознаградило Пери-халу за испытанные страдания: так давно не называли ее матерью...

— Сын! Ты уходишь к Ленину. Сейчас я все поняла... Скажи Ленину, что в далекой азербайджанской деревушке Алмамык живет твоя мать по имени Пери, что она шлет Ленину сердечный привет, молит, чтобы он уберется от козней Времени, зловещей колдуньи, путающей нити человеческих судеб!

Вели должен был сказать: «Что ты, Пери-хала! Как это я смогу повидаться с Лениным?» Но у него не хватило мужества огорчать и разочаровывать тетушку. И ведь всякое могло случиться! Вдруг да батрак Вели и вправду повстречается с Лениным?

— Клянусь, тетушка, что передам твой привет товарищу Ленину! — дрогнувшим голосом сказал юноша и исчез в ночном тумане.

С той поры немало дней прошло, но к великому горю Пери-халы никаких вестей о Вели и Назиме до нее не доносилось. А вообще-то всевозможных новостей было великое множество: что ни утро — свежая молва... Народ был возбужден, как перед праздником; лица крестьян светлели, тревожнее бились сердца. Будто где-то далеко в горах разыгралась великая буря и уже первые порывы освежающего ветра долетели до деревни.

И весна расцветала неотвратимо, победно. Зелено-яркие травы украсили пышными коврами землю. Яблоневые сады окутались сверкающей дымкой первоцвета. Благоухание трав, цветов, влажной земли кружило головы людям, веселило их души. А в груди Пери-халы вместо сердца ворочался тяжелый камень. Ее опустевший дом, ее щедро цветущий садик по-прежнему оставались без хозяйского присмотра... Вот те на! — толковали о бегстве мусаватистов, о свержении власти помещиков, нефтепромышленников, а свирепый староста Шахбаз-бека не расставался с плетью, даже близко не подпускал Пери-халу к ее хижине.

— Я покорный раб бека, — оправдывался он и перед тетушкой и перед крестьянами. — Принеси повеление бека — и пожалуйста! — владей своим курятником! А пока приказа нету — не пушу!

Но вот настало долгожданное утро, алыми знаменами украсившее небосклон, — на дороге, там, где некогда полз в грязи фаэтон Шахбаз-бека, появились вихрем скачущие всадники. И никто еще не различил их лиц, а уже молнией пронеслось ликующее:

— Большевики! Партизаны!

Через минуту на деревенскую площадь ворвались на взмыленных конях вооруженные всадники. Они были пестро, нескладно одеты: и в пиджаках, и в рубахах, чохе, ватных куртках; у кого на ногах сапоги, а у иного — чарыхи. Винтовок и пистолетов всем воинам не хватало — у некоторых торчали за поясами дедовские сабли и кинжалы. Впереди отряда скакали батрак Вели, счастливый, веселый, и какой-то незнакомый юноша с длинными, как у монаха, волосами, с окладистой бородою. За ними неуклюже подпрыгивал в седле конюх Назар.

Пери-хара скромно стояла в самой глубине толпы, но вдруг люди расступились, как бы подтолкнули ее, словно догадались, что в такой светлый день ей по праву уготовано первое место.

Ловко прыгнув с коня, Вели поклонился тетушке, обнял ее.

— Вот и пришел наш праздник, Пери-хала!.. И твой привет Ленину передал в Москве товарищ Нариманов. А я, прости, на этот раз до Москвы не добрался... Ленин очень обрадовался и сказал: «Спасибо тетушке Пери, желаю ей здоровья и благополучия!..» И еще Ленин повелел брату моему — сыну твоему Назиму вернуться в родную деревню.

И Вели подвел к Пери-хале обросшего волосами, изможденного, но смело смотрящего парня.

— Не узнала? Твой, твой!..

— Сын! — простирая руки, вскричала Пери-хала, и так безмерно велико было ее счастье, что подкосились ноги и тетушка без чувств упала в объятия Назима.

4

Когда Пери-хала пришла в себя, то увидела, что полулежит на руках сына. Митинг уже закончился. Вездесущий Вели, только что произнесший пламенную речь с призывом к крестьянам объединиться под знаменами Советской власти, уже забрался на крышу дома Шабаз-бека, дабы водрузить красный стяг. Древком послужил черенок лопаты. Поцеловав край алого полотнища, Вели прикрепил его к деревку, выпрямился и закричал во всю силу могучих легких:

— Слава Ленину! Да здравствует Советский Азербайджан!

— Слава! Ура! Привет Ленину! — загремели на площади бурные возгласы ликования народа.

И ветер плавно развернул полотнище, и оно гордо, пламенем засверкало в вышине, вдохновляя и радуя сердца людей.

Пери-хала уже успокоилась и поверила, что все происшедшее не сновидение, что сын жив, что сын рядом с нею. И, поднявшись, она уверенными шагами направилась к своему родному дому. Назим и Вели молча следовали за нею. Не расплакавшись, как можно было ожидать, не произнеся ни слова, тетушка упала на колени

и поцеловала землю у порога. А цветущие яблони в саду ждали ее, нарядные, прекрасные, как невесты, и Пери-хала поспешила приласкать их — погладила стволы, ветви дрожащей морщинистой рукою.

Не смея неосторожным словом нарушить тишину вновь обретенного родимого очага, Вели и Назим сели на землю под самой развесистой широкошумной яблоней. Тетушка, обойдя сад, осмотрев дом, пришла к ним, тоже опустила на траву. Глаза ее выражали то ясное успокоение, какое обычно наступает и в природе и в душе человеческой после бури. Как бы говоря сама с собою, Пери-хала тихо произнесла:

— И мечты, оказывается, сбываются!.. А раньше-то мне и во сне не виделся такой благословенный день!

Вели хотелось ответить ей так же тихо, вполголоса, но он не рассчитал и загремел колоколом:

— Это еще что, Пери-хала, это запевка, а песня-то впереди! Такие дни увидим — дух от предчувствия захватывает!

Почему-то тетушке вспомнилась мстительная старуха Время, и сердце ее минутно похолодело, и, страшась утратить вновь найденное счастье, Пери-хала шепнула:

— Пусть сбудется по-твоему, сын Вели! Да спасет вас всех повелитель неба и земли от козней злой колдуньи!

5

С того дня, как над особняком Шахбаз-бека запыхало золотистым отблеском восходящего солнца красное знамя, жизнь деревни потекла по новому руслу.

Правда, помрачневший староста — приказчик Шахбаз-бека не угомонился, распускал злоещие предсказания:

— Колесо судьбы вертится иногда и в обратную сторону!.. Ждите, скоро придет новый пророк — святой Мехти и сурово покарает нарушителей стародавних обычаев, тех, кто перевернул вверх дном наш патриархальный уклад!

Гаджи Гулу некоторое время не показывался на людях, отсиживался дома, но вдруг осмелел и с открытым воротом чохи вышел на улицу, ткнул пальцем в проходившего с пистолетом за поясом Вели:

— Смотрите-ка, у него и походка изменилась! Фу ты, как важно выступает! Будто это не тот батрак, у которого всегда желудок прилипал к ребрам, как у собаки кладбищенского сторожа, а сам Кёр-Оглу!.. Чтоб сгорели дотла такие порядки!

Вели и раньше-то мудрено было смутить, а теперь он и вовсе посколиному глядел и на старосту и на деревенских богачей.

— Эгей, Гаджи, чего там ворчишь в бороду?! — зычно крикнул Вели. — Пусть сгорят не нынешние порядки, а ненавидящие глаза некоторых людей!

Тотчас вокруг них собрались слушатели.

Со смиренным видом похлопав по обширному чреву Гаджи Гулу, вчерашний батрак добавил:

— А мы вытопим вот этот излишний жирок! Растрясем брюхо-то!

— Это тебе не подсолнечное масло, а бараний жир — легко не растопится! — самонадеянно ответил Гаджи, в глубине души утешая себя, что это все обычные колкие шуточки и прибауточки озорного парня, а не предвестие жизненных перемен.

И отправился домой, похлебав вкусного наваристого бозбаша, завалился спать...

Но едва Вели избрали на сходке председателем Комитета бедноты и он тотчас же завел речь о разделе земли и стад беков и богачей, Гаджи Гулу плотно застегнул ворот своей чохи, потерял и аппетит и сон, озлобился.

— Наступил конец света! — жаловался он старосте и приятелям, таким же зажиточным земледельцам, как он. — Слышали, слышали — Пери-халу, неразумную, взбалмошную женщину, выбрали членом сельского Совета!.. И она — женщина! — станет нами командовать, нами — мужчинами! Это ли не богопротивное дело?

Однажды посыльный позвал Гаджи на очередную деревенскую сходку — теперь чуть не каждый день проходили митинги и собрания.

На сходке выступила Пери-хала.

— Страшно вспомнить, как жили мы, крестьяне, прежде, — сказала тетушка притихшей, сосредоточенно слушающей толпе. — Будто связали нам искалеченные руки, ноги и бросили в темницу. И всю жизнь мы не видели животворящих лучей солнца!.. Но даже не это самое ужасное — хуже всего то, что мы ослепли, и не замечали своих страданий, и не ждали освобождения. Мудрец, развязавший нам руки, давший нам, беднякам, свободу, сказал: «Учитесь грамоте, порвите наконец-то завесу, прикрывшую ваши очи!..» И вот я, Пери-хала, предлагаю незамедлительно выполнить ленинский совет — открыть женские курсы ликвидации неграмотности.

«Посмей только возразить, мигом Вели, конюх Назар, этот каторжанин Назим — чтоб его падачая скрутила! — глотку перервут», — подумал Гаджи Гулу и, затаив гнев, спросил с кротким видом:

— Добровольно или насильно?

— Что?

— Ну, женщинам-то учиться грамоте?

Пери-хала не знала, как ответить. Ей в голову не приходило, что могут найтись такие женщины, которые откажутся от выполнения ленинского завета.

За Пери-халу сказал стоявший подле Вели:

— Конечно, добровольно!.. А с теми мужьями или отцами, какие не пустят женщин на курсы, поступим со всей строгостью революционных законов. — И выразительно взглянул в упор на Гаджи Гулу.

Запахнув еще плотнее ворот чохи, Гаджи поспешил к дому. Несколько дней он никуда не выходил — довольствовался слухами, разносимыми по деревне кумушками... Обнаглевший окончательно, батрак Вели с помощью своих дружков из партизанского отряда обмерял землю, готовил насильственный и противозаконный передел, а Пери-хала, эта подлая нищенка, ходила по дворам и записывала на курсы мужчин, домохозяек, подростков. Затем Гаджи Гулу сообщили, что конюх Назар выехал в уезд за учителем, учебниками, тетрадками, карандашами. Гаджи нервно вздрагивал от таких новостей, захлебываясь ругательствами.

Как-то к нему в дом завернули Пери-хала и Вели.

— Буду учить жену и детей только корану! — крикнул Гаджи, даже не выслушав пришельцев. — Никаких светских книг они и в глаза не увидят!

Пери-хала попыталась урезонить хозяина:

— Гаджи, ты один из самых почтенных людей нашей деревни! Сядь, выслушай нас, а потом поступай так, как подскажет тебе совесть.

— Тебя и этого грязного батрака аллах послал нам в наказание, на горе всем правоверным! — рявкнул Гаджи.

Вели вздохнул, с разочарованным видом пожал плечами.

— Пойдем, тетушка! Для этой мечети довольно и такого намаза, гласит пословица... Никакой помощи от Гаджи Гулу мы не дождемся. Лишь бы не вреди! Ну, положим, если станет мешать, то останется один в пустыне и придется Гаджи колотить самого себя по пустой голове!..

И они ушли.

Действительно, у Пери-халы и Вели теперь не было времени на пустые разговоры — началась жаркая пора... Вели возмужал, выглядел рослым, сильным, и называли его все, даже пожилые крестьяне, уже не «батраком Вели», а исключительно «товарищем Вели». И Пери-хала тоже изменилась: к ней шли с просьбами вдовы, забегали за советами девушки; ее вызывали на совещание в уезд; при разделе бековой земли она присутствовала по поручению сельсовета. С утра до вечера была занята, но все же успела привести в порядок свой дом: замазала стены, перестелила крышу, поставила изгородь вокруг расцветающего сада. Раньше в деревне не белили наружные стены саманных домов, а Пери-хала выбелила, и двухоконный домик ее засветился, привлекал и радовал взоры прохожих. Всем женщинам понравился почин тетушки, и вскоре новый адат быстро распространился по деревне. А когда белоснежно засверкали стены домов, то как-то неудобно стало терпеть на дворе груды мусора. Пери-хала подмела свой дворик, сожгла мусор, так поступили и ее соседки. Вся деревня как бы принарядилась, навела на себя лоск.

А весна-то становилась все жарче, все щедрее, и однажды сердце Пери-халы дрогнуло — она заметила в ветвях самой большой яблони

крохотные, величиною всего с грецкий орех, зеленые яблочки. И будто студеная родниковая струя влилась в жизнь тетушки! Будто помолодела она чудодейственно!.. Значит, сад дождался своей любящей хозяйки и осенью вознаградит ее за заботы, за привязанность баснословным урожаем. Отныне не страшны яблоням ни заморозки, ни суховеи, ни грубо ломавшие сучья прохожие. «Когда яблоки нальются медовым сладким соком, я соберу целую корзину и пошлю в подарок Ленину!» — подумала Пери-хала. И это желание было таким жгучим, что у нее перехватило от волнения горло. «Эх, повидать бы мне товарища Ленина, поговорить с ним!» — думала про себя тетушка. Это была такая заветная мечта, что Пери-хала не поделилась ею даже с сыном и Вели: осмеют еще...

Но шли дни, недели, заполненные работой, деловыми хлопотами, собраниями, занятиями на курсах грамотности, а мечта Пери-халы не угасала — наоборот, становилась все жарче, обжигала сердце. Человек ко всему привыкает — и к мечтаньям своим!.. Вот и Пери-хала как-то свыклась с мечтою и уговаривала себя: «А что тут невозможного, спрашивается? Ленин не хан, не бек, не вельможа, к которым не допускали простых смертных. Он наш учитель, глашатай наших светлых надежд! Во всяком случае, так Вели рассказывал...»

Теперь Пери-хала верила Вели во всем безраздельно.

«Да если бы Ленину сказали, что азербайджанская крестьянка хочет с ним встретиться, выложить все, что в душе накопилось, так он сам пригласил бы меня в гости!» — убеждала себя тетушка.

Но колдунья Время не дремала и опять захотела спутать нити человеческих судеб.

На рассвете Пери-хала проснулась от пронзительных криков: «Пожар! Люди добрые, пожа-а-а-ар!..» Она выбежала из дому и ахнула: над сельсоветом, над бекским особняком, не реяло в вышине красное знамя, из-под железной крыши валил серыми клубами дым.

Конечно, крестьяне сбежались, сбили пламя, отстояли дом, но как ни доискивались, кто же сорвал стяг, — виновника не нашли. Вели и Назим долго совещались, пригласив и конюха Назара и дворника Джафар-ами... Начиналась схватка жестокая, смертная.

А вечером этого же дня потрясенная Пери-хала увидела, что на курсы грамотности пришли всего пять женщин, а обычно-то собиралось тридцать, если не больше. И пришедшие, смущенно прикрываясь платками, объяснили тетушке:

— Говорят, мы теряем истинную веру, учась грамоте! Себя позорим!

— Ленинской власти недолго осталось жить!

— Придет новая власть и сразу повесят всех, кто учится. Не обижайся на нас ради аллаха, Пери-хала, но мы больше сюда не придем!..

А по дворам уже бегали досужие кумушки и свистящим шепотом рассказывали, что в Гяндже и Нухе Советская власть пала, а тех, кто раздавал бедноте землю беков, повесили на площади.

Вели оседлал коня и поскакал в уезд за помощью: ведь ни он, ни Пери-хала не знали, как им действовать, что говорить колеблющимся, сомневающимся, как бороться с явными врагами.

В деревню приехал председатель уездного революционного комитета, рослый, кудрявый парень с жгуче-черными глазами; он был в военной форме, на фуражке сверкала золотая звезда.

Созвали сходку; крестьяне приходили неохотно, вразвалку: то ли побаивались тайных пособников беков, мусаватистов, то ли, получив землю, вообще охладели к митинговым речам...

Председатель ревкома толково, понятно рассказывал о положении молодой Советской республики, об отчаянном сопротивлении контрреволюционеров и решительно заявил:

— Народ, рабочие и крестьяне сплотились вокруг Коммунистической партии, вокруг товарища Ленина! Никакая сила не сломит силу ленинской правды!

Председателю похлопали, поблагодарили за интересное сообщение, но все-таки наибольший успех выпал на долю Вели.

— Однажды в лесу маленький дубок пожаловался своему отцу — гигантскому дубу: «Отец, видишь, как беспощадно расправляется с нами, деревьями, этот топор?» Дуб зашумел могучими ветвями: «Сынок, это оттого, что топорнице-то сделано из дуба!..» — с задорным видом сказал неунывающий Вели, и все собравшиеся дружно рассмеялись, одобрительно зашумели. — Шахбаз-бек, спрятавшийся бог весть под каким кустом, нам не страшен. Страшнее его пособники, его наемные оруженосцы, которые до поры до времени прячутся среди нас же, в нашей деревне!

Крестьяне разом, как по команде, оглянулись и пристально посмотрели на стоявших в сторонке Гаджи Гулу и старосту.

— Не сам бек, а слуги его сорвали красный стяг, осквернили прикосновением знамя Ленина! — продолжал все громче, все увереннее Вели, воодушевляясь одобрением слушателей. — Но мы неминуемо найдем виновных и строго покараем их! А вы, товарищи односельчане, если увидите руку предателя, тянущуюся к красному знамени, — так стисните ее, чтоб подлый враг дух испустил!

Поблудневшие староста и Гаджи тревожно переглянулись, отступили на шаг, но с площади не ушли.

Попросили выступить и Пери-халу. Долго упрашивать ее не пришлось: сама понимала, что нельзя молчать в такие суровые времена, что правдивое слово — такое же грозное оружие борьбы, как и винтовка.

Тетушка не могла не вспомнить о былой жизни. Не так-то скоро забываются страдания. И разве одной ей досталась в жизни такая злая

доля? И Пери-хала сочла уместным напомнить сельчанам о черных днях, когда зло и беда обитали в каждом крестьянском доме.

А потом Пери-хала увлеклась и сама не заметила, как поведала слушателям о своей затаенной мечте — свидеться с Лениным, порадовать Ленина сочными, сладкими дарами садов Алмамыка.

— Скажу честно, — спохватилась тетушка, — мне самой бывает неловко, что так размечталась!.. А почему? Да потому, что обязательно товарищ Ленин спросит: кто бросил наземь красное знамя, у кого поднялась рука осквернить святыню? Как же вы смогли повесить замок на двери курсов грамотности? Или вы не знаете, что ученье — свет, а неученье — тьма? И мне придется ответить: товарищ Ленин, мы, деревенщина, спим, спим глубоко, нам не надоело храпеть под грязным засаленным одеялом, еще незнаком, и мы до того доспимся, что вовсе ослепнем!.. Лучше сквозь землю мне провалиться, чем предстать перед Лениным с такими речами! — горько усмехнувшись, закончила Пери-хала, и сосредоточенное молчание толпы было ей ответом. Крестьяне потупились, упорно рассматривали землю и носки сапог — от стыда глаз не смели поднять...

И это как-то успокоило Пери-халу: не пропащие те люди, в которых жива совесть.

Председатель ревкома передал тетушке новое алое знамя, а она благословила им и народ и Вели.

— Водрузи, сын, опять над сельсоветом! Вечное это знамя — ленинское... Верю, что отныне каждый честный человек будет оберегать это знамя как зеницу ока!

6

Вот и прошли дни летнего зноя, настала пора осенней прохлады. Увядала, пылилась, жухла листва садов; уже на земле под яблонями зажелтели, как медные пятаки, сухие листья. Сияли янтарным блеском, будто маленькие солнца, созревшие яблоки в саду Пери-халы. Хозяйка еще к ним не притрагивалась, лишь собирала опадыши...

Назав собирался на днях с приятелями-чабанами гнать стада в долину, — и Пери-хала решила убрать плоды с сыном, да и Вели пригласить, чтобы сообща отобрать самые сладчайшие яблоки в подарок товарищу Ленину.

Но дни счастливица, словно весенние цветы, — один другого краше, наряднее. Так говорят мудрые старцы.

Неожиданно у домика Пери-халы остановил коня председатель уездного ревкома.

— Собирайся в дальний путь, тетушка, за тобою приехал!

— Заходи, садись, да падут твои недуги на меня, — сказала Пери-хала, толком еще не разобравшись в словах гостя. — Чаю подам, садись, пожалуйста, садись на ковер, товарищ председатель.

— Недосуг, тетушка. Спасибо!.. Да вы слышали, что я говорил? Собирайтесь в дорогу, звонили по телефону из Баку. Делегация Советского Азербайджана отбывает в Москву на празднование годовщины Октябрьской революции. И вы, тетушка, включены в состав этой делегации.

Пери-хала почувствовала, что все поплыло перед ее глазами, и ослабели ноги, и пришлось взяться за косяк, чтобы не упасть. Но через минуту ликующая радость горячей волною хлынула в ее душу, и она собралась с силами и поняла, что мечта свершилась: она едет к Ленину в Москву.

Председатель торопил ее:

— Собирайтесь, умоляю, Пери-хала, поезд уходит в Баку через три часа, мы еле-еле успеем добраться до станции!

Благо подошли Вели и Назим, заметив издали лошадь председателя у ворот. Новость их и потрясла и воодушевила — помогли Пери-хале собрать нехитрые пожитки, сняли с яблони самые отборные, крупные, маслянисто-желтые плоды, бережно упаковали их в корзину. Это — Владимиру Ильичу Ленину.

Конюх Назар привел серого смиренного, но быстроногого коня. Сын и Вели посадили тетушку в седло. В добрый путь!.. Расскажи, Пери-хала, всю правду Ленину о нашей деревне. Были, конечно, неприятности, но ведь целый отряд партизан выставила деревня на борьбу за Советскую власть. Это кое-чего да стоит!.. И бедняки получили бекскую землю, вздохнули наконец-то, обрели достаток, забыли о нужде. Счастливый путь, тетушка! Передай Ленину нашу любовь, наше безмерное уважение. Мы всегда будем верны ему, делу его, знамени его!..

7

Сидя перед широким двуарочным окном гостиницы, Пери-хала любовалась величественным городом, которому, казалось, не было ни конца ни края. Падал снег. Снег падал и вчера и сегодня, он расстилал белопенный, сотканный из лебяжьего пуха ковер на площадях, улицах, в садах, на крышах многоэтажных, высоких, как азербайджанские горы, домов. Ни ветерка, и крупные хлопья беззвучно реяли, опускались на Москву, не тревожа предвечерней тишины.

И Баку — город большой, но Москва даже после Баку поражала воображение. В дороге Пери-хале подробно рассказывали о столице, и все же она представить себе не могла величие и размах, чудесную красоту великого города!.. Вот отчего так восхищено билось ее сердце и дыхание теснилось в груди. С тех пор как она ступила на священные камни Красной площади и увидела стены Кремля, в котором жил и трудился на благо людей земли Ленин, Пери-хала испытывала неведомый доселе подъем душевных сил.

А вчера она была с азербайджанской делегацией в Большом театре. Весь зал, набитый до отказа рабочими, крестьянами в лаптях и сермягах, фронтовиками в продымленных военными кострами шинелях, партийными и советскими работниками в кожаных куртках, с нетерпением ждал появления великого вождя. В театре было холодно, выцвел красный бархат занавесей, потускнела позолота, мутно, вполне акала горели лампочки хрустальной люстры, но тетушке, да и всем собравшимся все представлялось праздничным, как бы солнечным, ибо на устах и в сердцах людей было одно дорогое имя — Ленин.

Наконец настала долгожданная минута, вздрогнул, медленно поднялся занавес, все затаили дыхание, и вдруг буря рукоплесканий шквалом захлестнула зал, в единодушном порыве люди с ликующими криками: «Ура!.. Да здравствует товарищ Ленин!» — встали с мест, и быстрыми шагами, слегка наклонив голову, Владимир Ильич прошел по сцене, занял место в президиуме.

Чувства, волновавшие Пери-халу, будто ослепили ее, и она сперва ничего не различала, — лишь через мгновение, чуть-чуть успокоившись, тетушка пристально взгляделась и навеки запечатлела в сердце образ Ленина.

Пери-хала не удивилась бы, если б Ленин оказался великаном, похожим на старинных богатырей, героев народных сказаний. Но чем дальше смотрела она на него, тем яснее ей становилось, что Ленин и мог быть только таким — коренастым, быстрым в движениях, с пронзительными сверкающими глазами, в которых кипела дерзновенная мысль, с улыбкой, то доброй, то неприступно-мужественной. Тетушку поразил высокий, ясный лоб Ленина — напомнил безоблачный горизонт азербайджанского весеннего утра... И все заседание Пери-хала глаз не отрывала от могучего ленинского чела — вместилища его мудрости, его всесокрушающей прозорливости.

И потаенное желание снова проснулось в ее душе, Пери-хала вспомнила наказ Вели, встреченный дружным одобрением крестьян: — Обязательно поговори с товарищем Лениным!

Тетушке показалось, что она услышала не только звучный голос Вели, но и голоса односельчан: «Неприменно поговори с Лениным!» «Как же я домой-то вернусь, что расскажу людям, если не выполню их воли?» — подумала Пери-хала и умоляюще шепнула председателю делегации — старому бакинскому революционеру, сидевшему рядом:

— Устрой, пожалуйста, так, чтобы товарищ Ленин хоть на несколько минут принял нас — азербайджанцев!

Если это сбудется, то тетушка выложит Ленину все, что накопилось в сердце, скажет, что народ Азербайджана беззаветно предан делу Ленина, а считать таящихся во тьме прислужников сбежавших беков не приходится — какие же это азербайджанцы? Предатели!.. И нужно

упомануть о курсах грамотности, заверить Владимира Ильича, что Пери-хала привлечет к учению и домохозяйка и девушек, да заодно и сама одолеет букварь — ей это тоже в жизни пригодится... Вдруг Пери-хала спохватилась: может, такие дела слишком незначительны, неинтересны Ленину?

8

— Владимир Ильич ждет, пожалуйста, проходите! — объявил секретарь, и все поднялись, уступили путь тетушке.

Пери-хала оправила сборчатую юбку из синего сатина, привела в порядок черный шелковый платок на голове — келагай и с побледневшим лицом вошла мелкими шажками в кабинет.

Ленин просматривал какие-то бумаги, сделал пометку карандашом, легко, по-юношески вскочил и, глядя на тетушку радостными глазами, светло улыбаясь, вышел из-за стола, пожал Пери-хале руку, усадил ее в кресло. Гостеприимным широким жестом он пригласил садиться всех делегатов.

— Видимо, нам понадобится переводчик? — сказал Владимир Ильич, вопросительно посмотрев на секретаря, и через минуту в кабинет пришел смуглый юноша в военной форме.

Тетушка почувствовала, что холодок залил ее сердце, — Ленин с ожиданием глядел на нее, как бы приглашая первой заговорить, да и все делегаты тоже повернулись к ней. И все, что Пери-хала продумала в пути, в гостинице, улетучилось, забылось.

Догадавшись о ее переживаниях, Ленин поспешил выручить тетушку:

— Товарищ Нариманов много рассказывал мне о положении в Азербайджане, о том, как тяжела, сурова там женская доля, — сказал Владимир Ильич, не спуская с лица Пери-халы дружелюбных глаз. — Что поделаешь!.. С давних пор так или примерно так же жили крестьянки и в России и на Востоке! Всюду судьба трудящихся женщин, в сущности, одинакова.

Теперь Пери-хале казалось, что так просто, задушевно беседующий Владимир Ильич давно знаком с нею, осведомлен о ее жизни, о пережитых ею бедствиях. И что-то близкое было в облике, в манере разговора Ильича — с ним тетушка могла быть вполне открытой, как с сыном Назимом, как с Вели.

— Спасибо, товарищ Ленин, — сказала Пери-хала, — спасибо за внимание, за попечение о нас, бедняках. Вы и Советская власть открыли нам врата в новую, светлую жизнь.

— Нет, мы еще не дожили до настоящих-то ясных дней, — возразил Владимир Ильич серьезным тоном, и в прищуренных глазах его мелькнула озабоченность. — У нас так много трудностей: нет

хлеба, ситца; зима вот настала, а дров нету даже в больницах, в детских домах. На транспорте разруха: поезда еле-еле ползут, ну, вы об этом знаете лучше меня... А безграмотность, невежество, суеверия — какие это опасные враги! Нет, нам еще далеко до светлых дней, — с подкупающей правдивостью сказал Ленин.

Пери-хала поняла, чем обеспокоен Владимир Ильич, но все-таки не согласилась с ним:

— Азербайджанские крестьяне землю получили, от бекской кабалы избавились. Ведь это же огромное завоевание! Мы почувствовали себя хозяевами!

Слова тетушки пришлось по душе Ленину. Быстро переводя оживленный взгляд с Пери-халы на остальных делегатов, он с жадной заинтересованностью спросил:

— Значит, азербайджанские женщины поняли, что Советская власть принесла им освобождение от вековой тьмы? Да?.. Значит, крестьянство действительно видит в Советах свою, народную власть? Скажите, товарищ... Пери-хала, — Владимир Ильич покосился на переводчика, и тот кивнул: дескать, Ленин не ошибся в обращении. — Скажите, понимают ли деревенские коммунисты, да и беспартийные приверженцы Советской власти, что взоры людей всего Востока устремлены сейчас на Азербайджан?.. А это чрезвычайно важно во всей нашей политике! Ваши рабочие, ваши крестьяне, ваши красноармейцы первыми на Востоке подняли знамя социализма!

Пери-хала не поняла, что такое социализм, но вспомнила, как батрак Вели прибывал древко красного стяга на здании сельсовета — на бывшем особняке Шахбаз-бека, как вражья лапа потянулась к священному знамени, но председатель ревкома привез новое кумачовое полотнище, и оно гордо затрепетало, заструилось на просторе — уже на веки веков...

— Вы, товарищи, должны превратить Азербайджан в образцовую советскую республику, чтобы угнетенные народы Востока, глядя на ваши достижения, радовались, видели свое будущее! — продолжал Ленин с горячей напористостью, и в его глазах вспыхнули те яркие призывные огни, какие неизменно чаровали и волновали слушателей. — А в этом великом деле женщине принадлежит одно из первых мест. В вашей образцовой республике женщина должна стоять на невиданной высоте, пользоваться уважением, влиянием, полной свободой. Все блага культуры должны быть дарованы женщине!.. И для Востока это станет, товарищи, фактом исключительного агитационного значения!

Пери-хала опять не поняла слово «факт», но чувствовала, что на нее льются живительные солнечные лучи. Делегаты были охвачены восторгом — ленинские слова возвышали их, окрыляли орлиными, саженного размаха крылами.

Затем Владимир Ильич начал внимательно расспрашивать делегатов, как распределили бекские надель, есть ли у бедняков лошади, плуги, бороны, не пожелают ли они сообща обрабатывать полученную землю. Говорить об этом Пери-хале было удивительно легко — ведь, отвечая Ленину, она рассказывала о себе, о своей жизни. Теперь ее уже не удивило, что Владимира Ильича заинтересовало как раз то, что тетушке казалось будничным, мелким — как видно, для Ленина все было значительным и важным.

Когда речь зашла о школе, то Пери-хала сказала, что сельсовет решил привлечь к учебе всех женщин, даже сорокалетних, но не скрыла, что были дни неприятные — девушки и те не являлись в класс, да и сейчас кое-кому из домохозяек мужья не велят учиться грамоте.

— Адат,— улыбнулся Владимир Ильич, и делегаты согласно закивали: да, да, страшна еще власть древнего адата.— Ну, это преходящее,— подумав, сказал Ленин.— А как обстоит дело с учебниками на родном языке? С тетрадами?

Ишь ты! — до чего доискался.. Пери-хале сперва показалось излишним жаловаться, что одной азбукой пользуются пять-шесть учениц. И без того у Ленина так много забот! Но, заглянув в его пытливые глаза, тетушка усовестилась — нельзя ничего таить от родного отца.

— По очереди занимаются, плохо с книгами, товарищ Ленин, очень худо!.. Но у нас к вам иная просьба есть.

— Гм, что за просьба? — насторожился Владимир Ильич.

— У нас в уезде три сотни деревень. И грамотеев уже немало, а своей азербайджанской газеты нету,— сказала с обстоятельной медлительностью, свойственной пожилым крестьянам, Пери-хала.— Оказывается, машины печатной в уезде нет!.. А если бы вы прислали нам такую машину, то хоть раз в месяц возможно было бы выпускать газету и писать в ней о деревенских делах, нуждах. Неграмотным вслух бы газету читали вечерами! Помогла бы нам газета, ей-ей.

Владимир Ильич тотчас сделал пометку в записной книжке и обратился с вопросами к другим делегатам.

Секретарь незаметно от Ленина подал знак, что пора кончать беседу — Владимир Ильич утомился.

Все поднялись.

— Товарищ Ленин,— дрогнувшим голосом сказала Пери-хала, вставая,— да убережет вас аллах от козней колдуньи Времени, пусть продлит жизнь вашу, драгоценную всем людям!

— Колдунья Время? — Владимир Ильич задорно прищурился.— Гм, чрезвычайно, чрезвычайно интересно.. Значит, колдунья?

Тетушка воодушевилась и поведала Ленину старинное предание.

— Чрезвычайно интересная легенда! — воскликнул Ленин, с со-

средоточенным видом выслушав тетушку. — Прекрасно выразил народ идею, что в старом обществе судьба человека зависит от случайных сплетений обстоятельств, что там губят светлые мечты людей! Но отныне Время — наш союзник. Не сможет Время путать и рвать нити человеческих судеб. Мы, коммунисты, заставим Время работать на пользу людям... А с контрреволюционерами, гм... мы как-нибудь уж справимся! — И Владимир Ильич залиvisto засмеялся.

Только тут тетушка вспомнила о корзине яблок, оставленной ею в приемной, и, решительно растолкав делегатов, пошла за подарком.

— Из моего сада плоды! Из того сада, который ты мне вернул, товарищ Ленин! — сказала тетушка, заливаясь от волнения жарким румянцем, и протянула Владимиру Ильичу корзинку. — Своими руками рыхлила землю. Не водою — пото́м своим орошала! Прими... Дар скромный, недостойный такого человека, как ты, но это — от чистого сердца.

И выбрала самое крупное яблоко, алое, как щека невесты-горянки на зимнем ветру, вложила в руку Ленина.

Владимир Ильич растрогался, погладил яблоко, вдохнул сладкий аромат, и как бы зноем пахнуло в холодном кабинете, солнцем юга.

А Пери-хала заметила, что рука у Владимира Ильича маленькая, но сильная.

— Какое душестное! — вздохнул Ленин. — Представьте, я близко, очень близко знал одного московского рабочего. Стойкого коммуниста. Да, да, Иванов весьма хороший человек!.. — Владимир Ильич обращался к тетушке, будто никого в комнате не было. — Недавно Иванов погиб на фронте... Остались жена, четверо малолетних детей. Как они обрадуются вашему подарку! Спасибо, от имени семьи Ивановых спасибо!

«Теперь и умереть не страшно», — думала Пери-хала, выходя со слезами счастья в глазах из ленинского кабинета.

Но умирать тетушке не хотелось.

И месяца не прошло после возвращения азербайджанской делегации из Москвы, как Вели, прискакав на коне по горным тропам из уезда, крикнул через забор тетушке:

— Пери-хала, привезли печатный станок!.. И буквы! Все, что полагается. Бакинские рабочие приехали, наборщики, печатники. Сдержал свое обещание, не забыл о нас Ленин!

— У Ленина, сын, слова с делом не расходятся! — строго заметила стоящая на пороге дома Пери-хала и, выпрямившись, со спокойным удовлетворением посмотрела на гаснущий алым пламенем закат.

«Что творится на свете! — подумала она. — Просьбу крестьянки, вчерашней батрачки, не позабыл, выполнил великий Ленин! Неутоми-мо надо трудиться, чтобы возблагодарить Ленина за такое попечение!..»

Через две недели вышел первый номер уездной газеты «По ленинскому пути».

ЧТО ГОВОРИТ ЗЕМЛЯ...

Случилось так, что живу я теперь далеко от отчего дома. А началась эта история несколько лет назад, в такую же тихую и безоблачную декабрьскую пору. В тот день меня вызвали в райком и сказали:

— Шахла-ханум, нас очень беспокоит Сарытепенский колхоз. Кого мы туда ни посылали, дело все не идет. Подумали мы и решили рекомендовать председателем тебя...

Я, видимо, сильно изменилась в лице, потому что второй секретарь Гамид-муаллим (раньше он преподавал литературу) налил в стакан воды и поднес мне.

— Мы долго советовались, прикидывали и так и этак,— сказал он.— Конечно, нелегко будет вдали от дома...

Я горячо перебила его:

— Да не в том дело, что вдали от дома. Честно говоря, боюсь я. А вдруг не справлюсь? Хозяйство большое, сложное, к тому же...

Я запнулась, не желая выдавать того, что сильнее всего меня беспокоило. Но первый секретарь понял:

— ...К тому же совершенно запущенное. Да, трудно вам будет, придется здорово поработать. Такая ноша только сильному мужчине по плечу...

Оба секретаря переглянулись и весело рассмеялись, как бы желая подбодрить меня. Гамид-муаллим поглядел на меня и уже серьезно сказал:

— Шахла-ханум еще в школе слыла самой смелой и решительной...

— Что ж, согласна,— сказала я,— пусть будет по-вашему.

Моя мать, узнав о том, что меня рекомендуют председателем Сарытепенского колхоза, вопреки моим страхам, даже обрадовалась:

— Езжай, езжай, доченька, желаю тебе удачи. Время нынче такое... Видать, есть в тебе что-то, раз такой большой колхоз доверили...

С тревогой ждала я, что скажет отец. Он сидел на табуретке и точил затупившиеся лопаты и топоры. Его окладистая седая борода напоминала мне снега на горных вершинах. С самого детства отец представлялся мне чем-то вроде высокой горы, и всякий раз, когда я подходила к нему и когда он говорил со мной, сердце мое билось чаще.

— Что посоветуешь, отец? — спросила я, остановившись перед ним.

Он взглянул на меня снизу вверх.

— Разве язык земли тебе столь понятен, что берешься за такое дело? — ответил он вопросом на вопрос.

Я никогда не отвечала отцу сразу. С самого детства он приучил меня сперва хорошенько обдумать, а уж потом отвечать. Пока я стояла и думала, мать бросилась меня защищать:

— Чего ты мудришь, старик! Земля не человек, откуда у нее язык, чтобы разговаривать! Сказал бы дочери доброе слово, подбодрил бы, пусть идет себе и работает...

— Много ты понимаешь, — спокойно возразил отец. — Если написать все то, что рассказала мне земля, получилась бы целая книга.

— Я понимаю, отец, что ты хочешь сказать. Но ведь человек не сразу все узнает, тут годы нужны...

— Ну, если ты обдумала и решилась, то поезжай, доченька. Только помни: сколько бы ты ни прочла книг, всего не узнаешь. Прислушайся к тому, что колхозники советовать будут, к земле прислушайся. От этого тебе только польза...

В Сарытепе меня встретили по-разному, как и всякого нового человека: одни — приветливо, другие — настороженно. Где бы я ни бывала, всюду чувствовала на себе испытующие взгляды: они не оставляли меня. Отношение ко мне было двойственным. Когда я что-нибудь советовала или давала указание, со мною во всем соглашались и дружно кивали. Но в глубине их глаз таилась мысль: «Сперва посмотрим, что ты за птица, перевидали мы уж председателей на своем веку!..»

Но скоро лед недоверия растаял.

И вот почему.

Я верю людям. Ничто на свете мне так не чуждо, как несправедливость, постоянная неуверенность и подозрительность. Люблю во всем ясность, откровенность. И вдруг я поймала себя на том, что и сама гляжу на некоторых людей как бы с подозрением. Мне стало ясно, что сарытепенцы чувствуют это и в ответ ведут себя еще более холодно и недоверчиво. Вспомнился мне тогда отцовский наказ: «Иди, доченька, прямой дорогой. А тот, кто попытается сбить тебя, пусть зря старается».

Я стала смотреть на окружающих глазами доброго друга и товарища. И что же? Я узнала прекрасных, чистых, добрых людей. Им и самим надоела подозрительная и холодная напряженность, они с радостью пошли мне навстречу.

Стоило мне теперь что-либо предложить, со всех сторон так и сыпались советы, как получше да как полезнее сделать то или это.

В колхозе сколотился актив — ядро, без которого не обходился ни один почин. Это ядро точно мотор в машине, точно сердце в груди.

Конечно, за три года в самые передовые мы не вышли. Но теперь уже никто не посмеет сказать: «Либо сами поедают, либо скоту скармливают». Даже у самого дурного человека не повернется произнести такое.

Первым делом мы разобрались, какие вопросы требуют срочного решения. Составили план работ. Определили каждому делу срок. Ведь никто так не зависит от сроков, как сеятель. Прозевал день-другой, считай — потерял его. Не вовремя посеянное зерно, не вовремя посаженное дерево, непрополотый посев — что не докормленные овцой ягнята, слабые, худосочные.

Однажды — мне тогда было десять лет — отец посадил у нас во дворе два дерева: одно — в марте, перед самым новруз-байрамом, когда наливались почки, а второе — гораздо позже, когда на деревьях зазеленели первые побеги.

— Гляди и запоминай, — сказал он. — Увидишь, как непохожи будут деревья, если одно из них посадить не вовремя.

Прошли годы. И в самом деле, дерево, посаженное в новруз-байрам, разрослось так, что тень его теперь закрывает весь двор. Весной крона его пестреет цветами, а осенью — красными яблоками. На другом дереве то листья пожелтеют, то цветы раньше времени опадут, то несколько появившихся на нем яблок недозрелыми падают на землю.

И где бы я ни была, эти две яблони всегда перед моими глазами.

Когда я вижу, что время проходит, а дело еще не сделано, мне кажется, что совершается преступление. Меня охватывает тревога, и тут уже достается кому следует, — что поделаешь, такой у меня характер.

Эту мою черту сарытепенцы сразу подметили и без всяких отговорок старались уложиться в срок.

Когда мы составили план работы и наметили сроки для сева, решили на каждое дело подыскать и ответственного человека.

А это, знаете, как трудно! Ведь частенько люди и сами своих способностей не знают. А есть и такие, которые рассуждают: поменьше бы работы, да побольше дохода. Ясное дело, иногда мы ошибались, но все же расставили людей. Теперь каждый в колхозе нашел работу по душе, а бригадиры крепко сдружились и во всем одна другой помогают.

За это время отец частенько наведывался в Сарытепе, и всякий раз, когда мы оставались наедине и неторопливо беседовали за чашкой чая, я чувствовала, что он приехал не столько для того, чтобы повидаться, сколько для того, чтобы предупредить мои ошибки. Оказывается, отец пристально следил за мной, ни одна весточка из нашего села не проходила мимо его внимания.

Никогда не забуду, как серьезно он со мной говорил. Первый раз он приехал в тот год, когда наш колхоз перевыполнил план по всем показателям. То был удивительный год. В начале марта неожиданно потеплело, и весна наступила очень рано. Для хлопкоробов это большая удача, и к концу марта мы уже отсеялись. Лето выдалось очень жаркое, за три месяца на небе не показалось ни тучки, но зиму

в горах собралось много снега, и вода в реках держалась до самой середины июля. Сверху солнечное тепло, снизу влага, и хлопковые кусты поднялись в человеческий рост и густо покрылись коробочками. А осень! Мягкая, погожая осень. До ноября стояла теплынь. В ноябре несколько раз прошли дожди и щедро напоили луга. Потом небо прояснилось и солнечные лучи залили всю землю. Прохладный, осенний ветер ночью, теплые лучи днем — и все оставшиеся коробочки дозрели и растрескались.

Да, это был удачный год. Колхоз значительно перевыполнил план, урожай был такой, что мы сами себе поверить боялись. И вот, когда составлялись новые планы, мы решили расширить хлопковые участки в полтора раза.

Надо сказать, что часть наших земель приходится на предгорья. Там хорошо всходит зерно, там же лежали наши бахчи. Очень уж заманчивой была перспектива отвести часть этих земель под хлопок.

Как-то вечером в мою дверь постучали. Открываю — отец. Он переночевал у меня и еще затемно ушел. Никогда не забыть мне слов отца, сказанных в ту тихую ночь. Укоризненных, поучительных и полных сочувствия слов.

— Как же так, и о чем ты думаешь? Кто сеет хлопок на предгорных участках? В тридцать, в пятьдесят лет раз выпадает такой замечательный год, а ты, видно, решила, что всегда так будет. Я-то думал, что моя дочь за эти годы научилась понимать язык земли. Оказывается, ошибся я...

Утром приехал к нам Гамид-муаллим и тоже как бы между прочим завел разговор о тех же предгорных участках. В конце концов мы отказались от этой затеи.

Сегодня вечером отец неожиданно приехал в Сарытепе. Он поужинал со мною, выпил чаю, поговорил о разных мелочах. Укладываясь спать, предупредил, что утром хочет объехать поля, и просил приготовить двух коней. Там, где нам нужно побывать, никакая машина не пройдет. Отцу уже за восемьдесят, но наездник он и сейчас лихой.

Ночь медленно уплывала за горы. Вокруг до самого горизонта раскинулась степь. Чернели вспаханные поля. А вдали серебрилась покрывтая инеем озимая пшеница.

Любуясь зрелищем пробуждающейся природы, я на какое-то мгновение отдалась во власть далеких от настоящего мечтаний: мне представлялось, что я еду по лесам Гек-Геля или по саду Сорока девушек из сказок моей бабушки.

Точно почувствовав, что мысли мои далеко, отец внезапно натянул поводья, остановил коня и сказал:

— А теперь послушай, что говорит тебе эта земля...

Я вглядывалась в лежащий перед нами большой участок хлопкового поля. Этот участок очень подвел нас: вместо запланиро-

ванных двадцати центнеров хлопка дал всего восемь. Как мы ни бились, хлопок не удался, кусты-недоростки едва поднялись над землей. В конце концов мы потеряли всякую надежду и махнули на этот участок рукой.

— Плохая почва, отец, ничего не родит.

— Плохая почва... — повторил мои слова отец. — А я вот слушаю эту землю, она на тебя жалуется. А жалуется она потому, что нехорошо с ней обращаются... Плохая земля! А почему?! Потому, что вы за эти годы высосали из нее все соки. А что вы дали ей взамен? Несколько подвод навоза, да и то вряд ли. Разве ты не слышишь голос этой земли? Ты прислушайся!..

Я задумалась. Мне чудилось, будто я и впрямь слышу голос земли, простирающейся передо мной. Будто земля, обретя дар речи, говорила мне: «Я живу уже миллионы лет, и лучшими днями для меня были те, когда люди смягчали мою грудь, засевали зерном, не давали мне остаться бесплодной обителью сорных трав...»

— Земля, дочка, устает так же, как человек, — заговорил отец. — Она тоже теряет силу, ей тоже нужен уход.

Он натянул поводья и поехал. Я виновато оглянулась в сторону «жалующейся» земли.

— У земли, дочка, тысячи тайн, — продолжал отец. — Примешивай к ней удобрения, обогащай: подкармливай ее, и она обретет новые силы... У земли, дочка, великие тайны, изучай ее язык, цени ее.

Я слушала слова отца, и земля казалась мне гигантской химической лабораторией, в которой вещества переходят из одного состояния в другое, обретают новые качества, а потом приносят людям неисчислимые богатства. Я вспомнила о тех людях нашей большой химии, о той химии, которая сможет вернуть земле часть утерянных ею сил. Быть может, величие человеческого разума в том и состоит, что, изучая природу земли, он ее одновременно и преобразует, стремясь использовать ее неиссякаемые силы.

— Понимаешь, отец, химия в ближайшее время даст нам такие удобрения, которые удесятят силу почвы, помогут вырастить богатейший урожай...

— Не ждите сложа руки, — перебил меня отец, — пока вам доставят все готовеньким, а земля, как в сказке, вдруг станет плодородной. Нет, не будет этого. Тут труд нужно приложить, хозяйничать по-настоящему, с головой.

Отец повернул коня и поехал в сторону строящегося полевого стана.

— А что это такое?! — вдруг воскликнул он.

Я увидела кучу беспорядочно сваленных мешков с химикатами. Бумажные мешки местами прорвались, и земля подле них была покрыта белым, как соль, суперфосфатом. Я прямо-таки задохнулась

от стыда и гнева. Что я могла ответить отцу? Черт бы побрал и бригадира и того, кто эти мешки здесь свалил...

Словно угадав мои мысли, отец продолжал:

— Есть вещи, дочка, где беспечность — тоже преступление. Эти удобрения ни минуты не должны лежать под открытым небом. Дождь ли, снег ли — влага для них смерть. Посмотри, как испортила мешки ночная роса. Кто их здесь бросил? Вот на это и жалуется земля, где мы недавно были. Ведь удобрения — хлеб для земли. А здесь они гибнут...

Тут я не выдержала:

— Сегодня же поставлю вопрос о Гасане. Не бывать ему больше бригадиром!..

Отец резко повернулся ко мне:

— Да-да!.. Я думал, ты только языка земли не знаешь, оказывается, ты с людьми еще разговаривать не научилась. Нет, ты объясни Гасану его оплошность, пусть ему стыдно станет, тогда в другой раз он к таким делам иначе относиться будет... Нужно, чтобы не кары боялись, а за дело болели...

Отец прищипил коня. Я последовала за ним, невольно восхищаясь силой и ясностью ума этого восьмидесятилетнего старика.

Спустя некоторое время отец придержал коня перед большим участком, который годами не знал ни лопаты, ни плуга, не слышал шума тракторов. Поле заросло сорняками, местами громоздились каменные глыбы и бесцельные пни. Не глядя на меня, отец спросил:

— А что тебе эта земля говорит?

— Здесь было русло реки, отец,— ответила я.— Когда-то по обеим сторонам русла тянулись ряды тутовых деревьев, тополей, чинар и тростниковые заросли. Но за несколько лет до моего приезда сюда река постепенно обмелела и высохла. Высохли и деревья, оставив после себя только эти пни. А на той стороне когда-то было кладбище, и все те камни, которые ты видишь, служили надгробными плитами.

— Все это я понял с первого взгляда. Это хороший участок, что ни посеешь, года два-три урожай будет богатый. Только надо выкорчевать пни и камни убрать.

— Отец, это слишком трудно. Сейчас у нас есть дела поважней.

— Руки у земледельца могут устать, а мысль не должна. Не бойся труда, каким бы тяжелым он ни был, радость он принесет тебе большую,— возразил отец.

Он медленно поехал, внимательно вглядываясь в окутанную легким туманом степь и что-то тихо напевая.

Я смотрела на него и не могла нарадоваться его жажде жизни, любви к ней. Как я гордилась им сейчас! Вдруг он остановил коня и, когда я поравнялась с ним, тихо сказал, словно открывая другу сокровенную думу:

— Земля рассказывает мне такие сказки, что я готов их сто лет слушать!

Я размышляла над его словами и находила в них глубочайший смысл. Отец любит землю. И земля, чувствуя эту любовь, открывает ему свое сердце, становится верным другом.

И куда бы я теперь ни пошла, всюду вслушиваюсь в голос земли. Когда пустыни, горы и долины окутывал мрак и в ночной тьме не слышно ни звука, земля не дремлет, не знает отдыха: она напевает свою извечную песню. В этой песне я слышу голоса умерших десятки и сотни лет назад и голоса грядущих поколений.

Да, земля постоянно зовет меня, заставляет думать, трудиться, возделывать сады и поля, выращивать цветы...

ОРЕЛ В КЛЕТКЕ

Тягостная непогода установилась в Баку, и грязно-серые тучи заволокли небосвод, и день за днем не показывалось солнце, и удушливая духота угнетала горожан.

— Где же ты, хазри? ¹ — удивлялись старики. — Прилетай поскорей, дай вдохнуть полной грудью, позволь упиться прохладой!

А дети там и тут плясали в пыльных переулках, весело, задорно голосили:

Хазри, хазри, приди!
Отдам тебе дань — приди!

Перед тем, как покинуть — может быть, навсегда? — родной город, он с наслаждением вслушивался в детскую песенку, и мечтательно улыбался, и думал: «Примчится ветер с севера, чистый, благоуханный, сметет жару, зной, насытит свежестью бакинские улицы, дворы, закоулки!»

Теперь ему казалось, что все его стремления, помыслы за последнее время были отданы этой благородной цели — очистить Баку от скверны.

Нет, что там город — весь Азербайджан жаждал распрямить грудь, вдосталь надышаться исцеляющим дуновением севера, смывающим тоску-горе, вливающим в душу бодрость. Но страна пахла нищетою, смрадным пеплом сожженных деспотами хижин. И непереносимо душно было народу — годы, десятилетия...

Пароход отошел от бакинской пристани, и уже дома в знойном тумане теряли свои очертания, как бы распались черными руинами. А он все стоял на палубе и не мог глаз отвести от святыни, милого сердцу города: с ним связаны его титаническая борьба и его самые светлые упования. Как можно отказаться от них!

---

¹ Хазри — ветер с моря.

А пароход мотало в волнах, он уходил в туманное море, удалялся от родной азербайджанской земли. И плыл корабль со скоростью прямо-таки удивительной в неведомое будущее. Что ждет их завтра? Увидят ли они румяный лик утра? Или жестокая игра судьбы бросит их в пропасть?

Он успокаивал себя и твердил: «Все будет по-нашему! Обязательно по-нашему!»

Когда темнота безжалостно скрыла город его юности, его сладких мечтаний, он в изнеможении закрыл глаза. Но думы своевольно, упрямо вернули его в Баку, чтобы он заново пережил разгулявшуюся бурю, захлопнувшую врата мира, свободы, вечного счастья народа. «Нет, верю — мы вернемся, мы опять откроем эти двери перед своим народом!»

И двадцать пять соратников, его единомышленников, тоже верили, что вернутся.

Но едва пароход причалил к восточному берегу Каспия — к Туркменистану, злая игра судьбы бросила всех двадцать шесть бакинских комиссаров в английскую темницу, и уже поезд повез их на гибель в Каракумскую пустыню, а двадцать шесть бакинских богатырей верили, что вернутся с победой в Баку.

И он не мог отречься от этой надежды, но вдруг жаром обдало тело, будто раскаленные иглы впились в кожу, и он, вздрогнув, открыл глаза, увидел перед собою длинноногого, тощего, густо-рыжего офицера.

«Ах, английский пес!» — подумал он, бесстрашно, в упор разглядывая офицера, а тот гаркнул:

— Везиров!..

И часовой стукнул прикладом винтовки о пол вагона.

Впервые опустошенным, словно вопрошающим взглядом он окинул друзей — рыцарей без страха и упрека.

Могучей скалою стояли они, поддерживая плечами друг друга, как бы слившись. А разве Везиров не был нераздельной частицей этого гранитного монолита? Кому ж удастся отломить его от утеса?

— Обмануть решили, обычный английский способ! — с презрением сказал кто-то.

Вся кровь бросилась Везирову в лицо, и гневно заколотилось сердце. А почему на него пал жребий?.. Но через минуту он шагнул за часовым, усмехаясь чуть-чуть язвительно.

В салон-вагоне офицер, сцепив руки за спиной, приподнимаясь для чего-то на цыпочки, созерцал со скучающим видом мутно-рыжую пустыню за окном. Пустыня была, казалось, такая же, как в Ираке.

— Садитесь, Везиров, садитесь, — учтиво сказал англичанин не оборачиваясь, едва заскрипела дверь. — У вас родные-то остались в Баку?

Он говорил по-русски правильно, но чересчур уж правильно — вовсю старался.

— Зачем рассуждать об этом, господин офицер? — Везилов пожал плечами. — В Баку остался мой народ, за свободу которого я боролся. За свободу всего Азербайджана!

Теперь офицер сидел за столом напротив Везирова, и на узком лице его застыло безразличное выражение: словно маску натянул...

— И для этого вы хотите восстановить Российскую империю, державшую Азербайджан, да и весь Кавказ в кандалах?

— Господин офицер, у нас есть пословица: «Белая змея и черная змея прокляты!.. Азербайджанцам английский король не милее русского царя. Оба прокляты!

И после этих слов англичанин не покраснел, не побледнел, лицо его оставалось бесстрастным, и ровным голосом он убеждал Везирова, что большевики обязательно полонят Азербайджан и обрекут народ на рабство, что Везилов молод, вся жизнь впереди, ему бы надо тревожиться о своей судьбе, о собственном благополучии.

— Кроме того, вы сможете принести огромную помощь родине, — неожиданно закончил офицер.

Вот как! Этот поджигатель национальной распри, этот мастер клеветы, обмана, провокации заботится о благе его родины!..

— Жизнь коварна, Везилов, как знать: может, вас подстерегает на пути ловушка, капкан, — елейным тоном сказал англичанин, — и только мы способны избавить вас от опасности.

— А что я должен сделать, господин офицер? — спросил Везилов сухо.

Англичанин решил, что его собеседник заколебался, пошел на уступки, и сказал торопливо:

— Сущие пустяки, Везилов! Обратитесь письменно к нам с просьбой о заступничестве. И тотчас вы станете свободным, и вернетесь в Баку, и будете трудиться ради процветания своего любимого отечества!

Язвительная улыбка тронула пересохшие губы Везирова, такая же, как в момент расставания с друзьями.

— Всего одно письмо! — настойчиво повторил офицер.

— Бумаги нет! Карандаша нет! — Везилов с виноватым видом развел руками. — Отобрали при аресте...

Англичанин радостно рассмеялся.

— Не беспокойтесь, господин Везилов...

Уже «господин»!

— Не беспокойтесь, вот бумага, вот ручка, чернила. — Он указал на письменный стол. — Пишите, господин Везилов!

И офицер прошел к окну, стал спиной к Везилову и, опять приподнимаясь на цыпочки, погрузился в созерцание бесконечно ровной, унылой пустыни.

Когда Везиров вернулся в тюремный вагон, то двадцать пять комиссаров с изумлением взглянули на друга. Лицо Везирова сияло радостью, он улыбался победно. Так улыбается на поле брани смертельно раненный воин, обративший в бегство полчища врагов, но уже почувствовавший свою обреченность.

Он не утаил от соратников заманчивые предложения англичанина.

— Скажи, что ж ты написал? — смеясь от души, спросил Мешадибек Азизбеков.

И все комиссары тоже смеялись, смеялись гордо и презрительно.

Везиров осмотрелся и вспомнил, что у него нет бумаги, карандаша, подошел к вагонной стенке, глянцевито блестящей свежей масляной краской. Указательным пальцем, как штыком, он начертал незримые письма, но комиссары прочитали, поняли:

«Господин офицер! Я всегда знал, что английские колонизаторы — хитры. Теперь я знаю, что они вдобавок — глупы!»

СЕРДЦЕ МЕДИНЭ

1

Явер любил свою жену Мединэ и был счастлив. Подобно тому как деревья, пробудясь от зимней спячки, жадно тянутся к вешнему солнцу, пьют его живительные, теплые лучи и все пышнее расцветают от этого, Явер чувствовал: любовь к Мединэ придает ему силу и уверенность. Новое, большое чувство заполнило его жизнь. Как бы порадовать Мединэ, увидеть ее довольную улыбку — только об этом и думал он теперь. Мединэ не любила наряжаться, и Яверу не нужно было надирать силы ради нового модного платья жены, ради поездки на курорт летом. Не было в этом нужды, потому что Мединэ была скромна и бережлива. Зарплаты учителя Явера им вполне хватало. Мединэ презирала женщин, которые кичатся большими заработками, машиной, славой своих мужей и с увлечением рассказывают о том, что надевают каждое новое платье не больше пяти раз. Мединэ старалась держаться подальше от подобных женщин, не завидовала им, не сплетничала о них. Когда же речь заходила о таких ее знакомых, она чуть заметно улыбалась, вставала и отходила в сторону.

Мединэ страстно любила рыб и цветы. Вся ее квартира была уставлена аквариумами с плавающими в них разноцветными рыбками. И Явер чуть ли не каждую неделю посещал магазин, где продавались комнатные рыбки, расспрашивал друзей и знакомых, выискивал все новые, оригинальные породы. По звуку шагов Явера, по его звонку Мединэ сразу узнавала: Явер возвращается сегодня с новой покупкой, и радостно бросалась ему навстречу, нежно обнимала его. Конечно, если бы Явер проделывал все это ради ласки жены, ее поцелуев, можно было бы сказать, что он любит не Мединэ, а скорее самого себя. Но Яверу доставляли наслаждение детская радость Мединэ, ее счастье при виде каждой его новой находки.

И так же страстно любила Мединэ цветы. Не те розы, лилии и нарциссы, которые продают в цветочных магазинах. Конечно, Мединэ бывала рада, когда теплым майским днем Явер возвращался домой с букетом благоухающих роз. Мединэ ставила букет на стол,

ежедневно меняла воду, подрезала кончики стебельков, даря цветам относительно долгую — порою на целую неделю — жизнь.

Но больше всего Мединэ любила китайскую розу и все те цветы, которые выращивают в горшках и которые остаются вечнозелеными и лето и зиму. Прохожие невольно останавливались перед балконом Мединэ, любясь зелеными деревцами и яркими цветами. Почти все это были подарки Явера.

Явер знал: сердце у Мединэ доброе, она никому на свете не пожелает зла. Когда у соседей или знакомых случалась какая-нибудь беда, Мединэ искренне горевала, старалась прийти на помощь. Особенно огорчалась она, если несчастье выпадало на долю беспомощной женщины или ребенка — слабых, не умеющих бороться в жизни.

По соседству с Мединэ и Явером жила Мариам — безграмотная, беспомощная женщина. Ее муж Балаш в тридцатых годах приехал из аула в Баку и нанялся работать на одной из нефтяных вышек. Начал он простым рабочим и постепенно выдвинулся. Последние годы Балаш был уже буровым мастером. На своей землячке Мариам женился он в самый канун войны. Мариам тогда было двадцать лет. В школе дошла она всего лишь до четвертого класса. Была робкая, застенчивая, как говорится, «не от мира сего». Муж для Мариам составлял все на свете. И вот случилось несчастье. Полтора года назад выяснилось, что у Балаша рак желудка. Коварная это болезнь — трудно обнаружить ее вовремя. И в случае с Балашом диагноз поставили слишком поздно, когда болезнь своими зловещими щупальцами охватила большую часть организма. Врачи оказались бессильны. Пролежав шесть месяцев в больнице, Балаш скончался. Мариам осталась без всякой поддержки, одна, с пятилетней дочкой Соней и десятилетним сыном Назимом. Когда тело умершего привезли домой, Мединэ сначала горько рыдала вместе с Мариам. Но заметив, что этим не только не утешает Мариам, а усиливает ее горе, Мединэ превозмогла себя и принялась заботиться о соседке. Мединэ выполняла за Мариам всю работу по дому. Ухаживала за детьми. Принимала и провожала соседей, приходивших выразить сочувствие. Не давала Мариам отчаиваться, падать духом. Поздней ночью, усталая, изнуренная, возвратясь домой, Мединэ не переставала думать о горе соседки.

— Ты знаешь, Явер, — говорила Мединэ, — она такая беспомощная. Отыми у нее последний кусок — и то слова не скажет!

По совету Явера Мединэ принялась хлопотать, бегала по учреждениям, добилась пенсии для двух детей Мариам, а ее устроила на работу на промысле.

До нефтепромыслов было далеко. Мариам обычно уходила рано утром, возвращалась только вечером. Послушный, спокойный Назим,

придя из школы, готовил уроки, играл во дворе. Но маленькая Соня оставалась беспризорной. Мариам тяжело бывало покидать ее одну. Первые несколько дней Мединэ брала Соню к себе. «Что поделаешь? Человек должен помогать другому в трудную минуту»,— говорила она. Вскоре Мединэ и Соню устроила в детский сад поблизости. Жизнь Мариам вошла в нормальную колею, и Мединэ чуть не прыгала от радости.

— Ну теперь ты спокойна наконец, моя дорогая? — спрашивал Явер.

— Так спокойна, что и сказать не могу! Когда чувствуешь, что ты кому-то нужна, сама становишься выше.

— Верно, красавица моя,— отвечал Явер, ласково глядя на жену,— но помни: больше всех ты нужна мне. И минуты без тебя не смогу прожить...

«Какая я счастливая, что встретила в жизни такого хорошего человека, как Явер!» — подумала Мединэ и улыбнулась мужу.

2

Явер не был Меджнуном, и Мединэ не походила на Лейли. Но Явер на самом деле без памяти любил свою жену. А жена его была истинной красавицей. В сущности, это не такая уж редкость: красивых женщин, любимых и по-настоящему любящих своих мужей, не так уж мало. Явер знал, что стройная, красивая фигура, белоснежное личико, черные глаза и кудрявые каштановые косы Мединэ привлекают многих. Но Явера это не тревожило. Он верил Мединэ. Каждый вправе наслаждаться зрелищем красоты. И не все глаза жадны, и не все они смотрят косо, немало найдется таких мужчин, которые бескорыстно любят красоту, с уважением относятся к ней. К тому же в преданности Мединэ было действительно нечто напоминающее Лейли.

И все же в сердце Явера порой шевелилась ревность. Случалось, он невольно выходил из себя, нервничал, с трудом удерживался от грубого слова. За десять лет семейной жизни это было, правда, всего два-три раза. Тогда, когда, казалось Яверу, Мединэ улыбалась другому той же улыбкой, что и своему мужу, когда она — думалось ему — дарила частицу своего священного внутреннего огня кому-нибудь другому.

У Явера был старый друг — Керем, молчаливый, хмурый человек. Холостяками они иногда проводили время вместе. На втором году после женитьбы Явер и Мединэ как-то встретились с Керемом в оперном театре — места их оказались рядом. Всегда молчаливый и хмурый Керем, увидев Мединэ, стал оживленным и разговорчивым. А через три дня позвонил Яверу:

— Что ж, дружище, вот ты женился, обзавелся семьей, так адресок дал бы, к себе пригласил. Неужели я не заслужил хотя бы стакан чаю?

Под всяческими предложениями Керем несколько раз навестил их. Явер заметил его пристальные взгляды, устремленные на Мединэ, его приторные фразы и жесты и все понял. Керем был самый обыкновенный пошляк. Однажды после его ухода Явер осторожно спросил жену:

— Мединэ, этот Керем что-то не нравится мне. А ты как думаешь? Мединэ лукаво улыбнулась:

— Плохого в нем как будто нет. А что?

Такое, казалось, беспечное отношение к столь серьезному вопросу задело Явера. С трудом сдерживая гнев, он сказал:

— Ты не умеешь распознавать людей, Мединэ, всем веришь, думаешь, нет ни одного плохого человека на свете. Все святые! Все имамы и пророки!

Мединэ сразу не понравился Керем, и только ради Явера она принимала его, поэтому слова мужа показались ей смешными. Ей захотелось помучить его, проучить. Ревновать ее к такому человеку, как Керем!

— Ну нет, Явер, по-моему, Керем отнюдь не святой. Он не имам и не пророк. Будь он имамом или пророком, я бы близко его не подпустила. Я не верю таким. Я знаю только, что он человек, а человеку надо доверять.

Явер готов был возмутиться. «О чем она толкует? Разве уместны такие шутки? Я говорю: поступай так, чтобы отвести его от нас, а она отвечает: надо верить человеку. Не видит она разве, что такое Керем?» Яверу захотелось сказать Мединэ что-нибудь обидное, но он, хотя и с большим трудом, сдержался. Он только огорченно покачал головой:

— Если ты будешь верить каждому, что с нами тогда будет?!

Почувствовав горечь в словах мужа, Мединэ ласково обняла его и уже серьезным тоном сказала:

— Поверь, дорогой, беспокоиться нечего. Ничего плохого с нами не случится. Какую ты видел Мединэ в первый день, такой она и останется до конца, незапятнанною уложишь ее в могилу.

Достаточно было одного слова, одной улыбки, одного жеста Мединэ, чтобы все сомнения Явера рассеялись, как весеннее облачко. Явер радостно улыбался, глядя на жену, а в душе стыдил и упрекал себя: «Что за мысли приходят мне в голову? Что я за человек, если допускаю хоть тень сомнения в искренности моей Мединэ!»

В следующий раз Мединэ так приняла Керема, что тот перестал ходить к ним.

Явер преподавал фишку. Он начал давать уроки, еще будучи студентом третьего курса, — так сложились обстоятельства. Отец его возвратился с фронта инвалидом, семья оказалась в крайне трудном положении. Отец Явера, Солтан, ушел на фронт офицером. Четыре года он провоевал успешно, пули и снаряды, которые ранили, убивали его друзей и товарищей, пролетали мимо, щадили его. Уже наши войска вступили на территорию Германии. Солтан ожидал, что скоро невредимым вернется домой. Но в это самое время судьба, точно вор, подкарауливавший его и преследовавший шаг за шагом, выжидая удобного момента, внезапно нанесла жестокий удар. Во время одного из последних боев под Берлином у самого штаба взорвалась бомба, она разрушила все здание. Трое офицеров погибли. Взрывная волна взметнула высоко и швырнула оземь двух бойцов и Солтана, похоронила их под развалинами. Солтан очнулся только в госпитале. Правая рука его была искалечена, из-за начинавшейся гангрены ее пришлось ампутировать, от контузии он ослеп. После долгого лечения Солтан вернулся домой. Что только не делал Явер, чтобы облегчить участь отца! Больницы, санатории, всевозможные препараты, лечебные средства — все было испробовано. Мать Явера, Бадам-хала, ни на шаг не отходила от постели больного, и Яверу пришлось заменить своим маленьким братьям и сестрам и отца и мать.

Суровые житейские испытания по-разному влияют на людей, сердца одних они превращают в камень, других, напротив, делают добрыми, милосердными к своим близким. Явер принадлежал к числу этих последних. Смерть Солтана, безутешное горе преждевременно поседевшей матери, тоска по отцу, застывшая в глазах сестер и братьев, оставили неизгладимый след в душе Явера, сделали его особенно чутким, отзывчивым. Постоянное общение с детьми в школе еще укрепило добрые чувства в сердце учителя. Некоторые не приметные, тайные уголки жизни, грязные и жестокие нравы и обычаи, переходящие на протяжении тысячелетий из поколения в поколение, не были известны ему. Этот человек, обвинивший Мединэ в простодушии и легковерии, сам был прост и легковерен, как дитя. Кто знает, что может статься с подобным мужчиной, если он свяжет свою судьбу не с такой благородной и искренней женщиной, как Мединэ, а с легкомысленной и злонравной?

И в любви Явера к Мединэ было нечто от его доверия и любви ко всем людям. После случая с Керемом чувства его к жене разгорелись еще сильнее. Пять дней разлуки с Мединэ казались ему целым годом тоски и страданий. Надо было видеть Явера, когда, возвратясь из школы, он звонил к себе, в свою двухкомнатную квартиру в одном из

новых домов нагорной части Баку, когда он слышал милый голос Мединэ и снова оказывался вместе с ней. Лицо его сияло счастьем, он входил в переднюю, довольный собой, своей работой, людьми и всем миром, целовал жену, брал на руки трехлетнюю дочь Лейлу, нежно прижимал ее к себе, подставлял ей свои щеки и говорил: «Поцелуй папочку!» Если отец был чисто выбрит, дочурка крепко обнимала его, но если на щеках росла щетина — дочь надувала губы, отстранялась и крошечной, пухлой ручонкой трогала щеки отца: «колючий...»

И сегодня, чуть только раздался звонок, своим милым, ласковым голосом Мединэ ответила: «Иду» — и подошла к двери. Она сразу почувствовала, что Явер не один. Открыв дверь, отступила в удивлении: рядом с Явером стоял молодой человек, рослый, кареглазый. Он был без шапки, густые вьющиеся волосы спадали ему на лоб. На смугловатом лице его светилась улыбка довольного своей судьбой человека. Его белая шелковая рубашка была выпущена поверх серых шерстяных брюк. Длинные, широкие рукава рубахи были без пуговиц, отчего жесты его казались особенно свободными, непринужденными. Мединэ сразу узнала его. Это был Расим, с которым они учились вместе начиная с седьмого класса и до самого окончания школы.

Как изменился Расим! Ну просто богатырь Фархад — такой статный и крепкий. Каким маленьким, бледным и слабым выглядел рядом с ним Явер! Как будто в комнате, освещенной свечой, вдруг зажгли яркую электрическую лампочку. Молодой человек тоже узнал Мединэ и даже, казалось, вздрогнул от удивления, в его больших карих глазах засверкали искорки. Как похорошела, расцвела, словно роза, смуглая и худенькая школьница Мединэ!

Еще в школьные годы Расим прекрасно рисовал. Почти в каждом номере стенной газеты помещали его рисунки. Товарищи, а особенно девушки из старших классов, не отставали от Расима, заставляли рисовать на память им то морской пейзаж, то Девичью башню, то свои портреты или здание школы. За последние три-четыре года Мединэ все чаще встречала в газетах имя Расима, слышала по радио, как хвалят произведения «талантливого молодого мастера». Но Мединэ не знала, что ее муж знаком с Расимом. Она не знала, что совсем недавно, возвращаясь из Москвы, он ехал с Расимом в одном купе. Три дня они провели вместе, вместе ели и пили, оживленно беседовали и очень понравились друг другу. И сейчас, случайно встретившись на улице, Явер не отстал от Расима, пока не затащил к себе домой.

Мединэ, вся раскрасневшаяся от неожиданной встречи, не успела сказать, что знает Расима, как Явер уже представил их друг другу. Вытерев руку о клетчатый фартук, она протянула ее Расиму. Художник пожал руку Мединэ и обратился к Яверу:

— Мы с Мединэ-ханум давно знакомы, вместе учились.

Мединэ снова покраснела. Подумала: она сама должна была сказать об этом мужу. Напрасно она не решилась, не опередила Расима. А вдруг Явер что-нибудь заподозрит? Но Явер не обратил на это никакого внимания.

— Да? Еще лучше! — сказал он громко. И протянул Мединэ маленькую банку, где металась какая-то рыбка. — Это китайская рыбка, редкость!

Мединэ улыбнулась, взяла банку. Явер повел художника в комнаты:

— Входите, пока Мединэ приготовит нам поесть, я покажу вам ее цветник.

Мединэ с легким упреком посмотрела на мужа и, поманив его в прихожую, шепнула:

— Сегодня у меня обед неважный. Вот всегда ты так! Что за привычка — не предупредив, являться с гостем? Хоть бы утром сказал. Приготовила бы что-нибудь попримечнее.

На шепот Мединэ Явер ответил неожиданно громко.

— Ничего, дорогая, не упрекай меня. Неси, что у тебя есть. Как говорится: чем богаты, тем и рады. Я сам случайно встретил Расима.

Расим понял, о чем идет речь, и тут же вмешался:

— Явер пригласил меня, а я не отказался. Видите, какой я нахальный гость?!

Мединэ отвела взгляд от его больших, внимательных глаз, посмотрела куда-то мимо его плеча.

— Добро пожаловать, сегодня я приготовила долму.

— Да ведь это роскошь! — с восхищением отозвался Расим и о чем-то задумался, как это свойственно рассеянными людям. Но Явер, казалось, не заметил этого. «Хорошо, что муж в чудесном настроении, не так зорко следит за всем, как обычно, — подумала Мединэ, и ей тут же стало стыдно своих мыслей: — Что тут особенного, словно я хочу скрыть от него что-нибудь...»

— Папочка, здравствуй! — закричала маленькая Лейла, в ее тоненьких косицах ярко алела шелковая ленточка. Выбежав из соседней комнаты, девочка бросилась в объятия Явера. Мединэ прошла на кухню. Расцеловав дочь, Явер представил ее Расиму:

— Ну, подружись с дядей. Он хорошо рисует. Тебе дядя нарисует гнома, петуха, лисичку.

Лейла робко поглядела на Расима, но по первому же его зову, широко раскрыв руки, подошла к нему. Это очень обрадовало Явера. Лейла была своего рода пробным камнем для оценки гостей этого дома. Если она с первой же встречи начинала дружить с гостем, значит, это хороший человек; если чуждалась кого-нибудь, значит, нехороший.

— Мединэ, посмотри-ка! — крикнул Явер, приоткрыв дверь в кухню. — Посмотри, как Расим сразу подружился с Лейлой!

Мединэ не вышла, только ответила из кухни: «Хорошо, очень хорошо». А Лейла своей маленькой ручкой схватила Расима за нос и пролепетала:

— Хо-роший дядя!

И с этой минуты Расима в этом доме стали называть «хорошим дядей».

4

Отчего Мединэ покраснела, увидев Расима, и почувствовала какую-то неловкость? Ответить на этот вопрос не так-то легко. Может быть, в школьные годы что-то связывало Мединэ и Расима, может быть, Мединэ любила Расима, а он не обращал внимания на нее, как и на многих других? Ведь Расим уж и тогда был красив. И ростом, и сложением, и талантом он резко выделялся среди своих ровесников. Иные девушки глаз не сводили с него. Но нет, Мединэ была не из их числа. Даже краешком глаза в школьные годы она не взглянула на Расима. В его присутствии она оставалась такой же, как всегда. Может быть, Расим увлекался Мединэ и почувствовал ее холодность, равнодушие? Нет, это тоже неверно. В те дни Расиму и в голову не могла прийти мысль ухаживать за Мединэ, покинув более красивых, более притягательных девушек. Расим знал только то, что Мединэ — лучшая ученица, и даже по математике у нее всегда пятерки. Общеизвестно, однако: никто еще не влюблялся в девушку только потому, что она получает пятерки по математике.

Отчего же так тревожно на душе у Мединэ? Почему она не решается выйти из кухни, почему она боится, да, боится сесть за один стол с Расимом? Эти мысли удивили Мединэ. Удивилась она, почувствовав, что сердце ее бьется учащенно. «Что со мной?» — подумала она.

Да, Мединэ сама не знает причины этого странного явления. Удивительная вещь — сердце человека. Даже седовласые ученые, всю жизнь свою посвятившие изучению сердца, прислушивавшиеся к биению тысяч сердец, чтобы облегчить их боль, — часто остаются беспомощными. Я видел людей, которые жаловались на сердечную боль, — их осматривали, выслушивали несколько врачей. И все врачи в один голос говорили: «Ничего особенного, вы здоровы», а больной по-прежнему жаловался, твердил, что сердце его ноет, болит. Тогда седовласые ученые, не доверяя своим ушам, своим рукам, знаниям и ощущениям, снимали электрокардиограмму, внимательно смотрели, совещались и снова в один голос заявляли: «Ничего особенного». А сердце больного все ныло. Оно лежало у него в груди как тяжелый камень. Да, много необъяснимых тайн у сердца!

Одного только хотела теперь Мединэ: чтобы скорее кончился обед, скорее был выпит чай, скорее ушел бы Расим, чтобы ей остаться наедине с любимым мужем, с малюткой-дочерью. Пусть и сегодня никто не нарушает покоя и счастья их дружной семьи! Но, вопреки желанию Мединэ, Расим отнюдь не спешил уходить, а Явер и не думал отпустить его. Беседа, начатая за обедом, продолжалась за чаем, становилась все интереснее. Она то бушевала, точно горный поток, вылившийся в горячий спор между Явером и Расимом, то текла, как тихо журчащий ручей на лугу. Когда стемнело и зажглись яркие огни большого города, когда Явер попросил вторично заварить чай, Мединэ и сама вступила в эту беседу.

А говорили о музыке. Эта тема вызывала тогда в семьях, в фойе театров, в дружеских компаниях оживленные споры. Из-за нее шли более ожесточенные дискуссии, чем это отражалось в печати. Когда они только усаживались за стол, по радио объявили музыкальную передачу.

— Посмотрим, что передадут,— сказал Явер, включая приемник.— Вы любите музыку?

— Люблю, но не слушаю,— ответил Расим.— По правде говоря, есть вещи, которые я слушать не могу.

Явер, обрадовавшись, что встретил единомышленника, поглядел на Мединэ. Его глаза говорили: «Видишь, не я один недоволен. Недоволен и тот, кто прекрасно понимает искусство, сам является его творцом».

Явер не случайно взглянул так на жену. Уже не раз, слушая вместе с нею музыку по радио, он внезапно выключал приемник, недовольный исполняемым произведением.

Теперь Явер воодушевился, найдя такого авторитетного союзника, как Расим.

— Я того же мнения. Иногда исполняют такие вещи, как будто мозг сверлят. И называют это новым содержанием, современной тематикой и еще не знаю чем. А музыка, как доской, ударяет о грудь человека, и грохочет, и снова ударяет,— как ни стараешься что-нибудь понять, не удается. Голова трещит, устаешь, нервы расходятся. Я так считаю: музыка не должна быть сумятицей непонятных звуков, она должна заставить трепетать сердце человека, обогащать его чувства. Разве я не прав?

Мединэ присматривалась к Расиму: и жесты его, и манера говорить, и голос были мягкими и ясными, так же, как неизменная улыбка на лице, все в нем было удивительно уравновешенно, невольно располагало к себе. Хотелось верить каждому его слову. Он не уступал из одной вежливости и не спорил только для вида. И ответ его на вопрос Явера показался Мединэ искренним и убедительным.

— Товарищ Явер, мы оба, кажется, одинаково понимаем музыку. То, о чем вы говорите, чего вы требуете, мы, художники, называем эмоциональным искусством. Признаюсь, я тоже поклонник такого искусства. Но художники с холодными сердцами, чтобы скрыть свое равнодушие и холодность, прячутся, как вы говорили, за темой. Так иные из них скрывают свою бездарность, а другие вступают на путь легкой славы.

Явер наслаждался каждым словом собеседника, с трудом удерживаясь, чтобы не обнять и не расцеловать его.

— Друг мой, о чем угодно пиши, мы не возражаем, только пиши от всего сердца, так, чтобы за душу хватало.

— Верно, товарищ учитель! Там, где нет искренности, задушевности, не может быть и искусства. И особенно необходима искренность, когда пишешь о современном. Писатели, скрывающие свои недостатки за ширмой темы, не могут понять того, что подлинная современность, актуальность всегда помогала создавать настоящие, взволнованные, эмоционально насыщенные произведения. В подлинной актуальности всегда заключено какое-то величие, подлинное новаторство всегда и неизменно красиво. Как можно назвать бледное и слабое произведение актуальным, современным и новым? Это невозможно!

Явер и Расим так горячо, так искренне соглашались друг с другом, что Мединэ тоже невольно вмешалась в их разговор и полушутя заметила Расиму:

— Почему же вам, художникам, никто не предъявляет таких обвинений? Я видела картины, которые ни на что не похожи. Как будто писал их не художник, а какой-то маляр. Засучил рукава, наляпал серой краской как попало и куда попало и ушел. Почему же вы об этом не говорите?..

Расим уставился своими большими карими глазами на Мединэ. Не пытаясь искать в ее словах какой-нибудь скрытый намек, он вежливо ответил:

— Вы тоже правы, Мединэ-ханум. Как говорится: перед словом правды я покорно склоняю голову. У нас действительно бывают картины, заставляющие вспомнить нерадивого маляра. Но не все работы наши таковы. Есть и у нас произведения, которые по настоящему радуют. Учтите еще — мы тоже ищем, стараемся найти нужные краски, нужные оттенки, тона, с помощью которых мы могли бы ярче отразить дух эпохи. Мы искренне стараемся. Мы хотим творить, никому не подражая. Это надо ценить.

В это время по радио начали передавать раст. Явер слегка повернул регулятор вправо, громче зазвучали аккорды.

— Вот какой должна быть музыка! За душу берет! — с восторгом воскликнул Явер.

Аккорды раста, зовущие к жизни, к борьбе, доставляли Яверу огромное наслаждение.

— Такую вещь можно слушать без конца! — восхищенно говорил он.

После раста заиграли одну из народных мелодий. И ее Явер выслушал с довольной улыбкой. Но когда вслед за этим симфонический оркестр начал исполнять довольно посредственную сюиту, Явер покачал головой и выключил радио.

— Не поймешь, что такое, какофония, да и только! Знаешь, Расим, мне кажется, некоторые наши композиторы как-то свысока смотрят на нашу народную музыку. Сойдя с настоящего пути, идут по трудным, каменистым дорогам. Боюсь, они настолько далеко уйдут, что и голоса наши перестанут слышать. Прости меня, но есть хорошая пословица: теленка, отставшего от стада, волк зарежет. Верно ведь, а?

Расим задумался. По-видимому, ему не хотелось высказывать сразу свое мнение. А Явер нетерпеливо ждал подтверждения и этих своих слов.

— Есть и такие, — медленно начал Расим, — но большинство ищет. Вы согласны со мной, что, как и все другое, музыка также нуждается в эволюции? Согласны, что человек, проводящий свои дни в четырех стенах, перестанет развиваться? Я часто вспоминаю один рассказ отца, слышанный мною в детстве. В двадцать пятом году случилось ему заехать в Кельбеджары. Тогда не было нынешних дорог. Зимой горы и долины на три месяца исчезали под снегом. Кельбеджары оказывались отрезанными от окружающего мира. Отец очутился в самом глухом углу этого района — в селении Яншаг, в самом непроходимом месте у подножия горы Муровдаг. И вот отец рассказывал, что там, в этом селении, встретил девяностолетнего ашуга, который слагал песни и подыгрывал самому себе на сазе. Ашуг этот даже не представлял себе, что такое город! Для него самым большим городом на свете были Кельбеджары. А ведь Кельбеджары эти были всего лишь крошечным поселком. Отец восхищался талантом, памятью, тонким вкусом старого ашуга. И очень сожалел, что у этого ашуга были самые наивные, детские представления о большом мире. Отец говорил: «Если бы в свое время этот ашуг ходил по стране, учился у других, он стал бы гением. Долина Яншаг придавила беднягу, выжала все соки из него, и он стал кривобоким, горбуном». В наше время горизонты неизмеримо расширились. Каждый старается приподняться, смотрит по сторонам, ищет — чему может поучиться у других.

Слушая Расима, Явер задумался, притих. То чувство понимания, которое объединяло их всего несколько минут назад, таяло, исчезало. Яверу доводы Расима показались слишком резкими. По его нахмуренным бровям Мединэ поняла: сейчас он вспыхнет. Так и получилось.

— Конечно, плохо быть горбуном в долине Яншаг. Но что поделать, если симфонии, концертины, разные сюиты иных совре-

менных композиторов мне не нравятся? Не по душе — и все! А почему не по душе? Потому, что симфонии эти не вяжутся с нашей музыкой!

В домашнем быту, где господствовало общее согласие и гармония, Мединэ всегда старалась смягчать подобные высказывания мужа. Но сейчас слова Явера прозвучали для Мединэ странно. Было ясно: Явер ошибся. Как может он не понимать такой простой, очевидной истины? Разве можно так упрощать вопрос? Если симфония не вяжется с нашей музыкой, почему же тогда «Кер-Оглу» так чарует нас? Ведь когда-то у нас не было и оперы!

Но Мединэ умышленно промолчала, не стала возражать. Хотелось услышать, как ответит Яверу Расим.

— Не стану спорить об этой сюите, — начал, улыбаясь, Расим, — она, конечно, не из удачных. В этом я с вами согласен. Но со вторым вашим положением никак не могу согласиться. Виноваты ведь не симфонии, концертины, сюиты и прочие музыкальные формы. В этих формах уже созданы бессмертные творения. И наши композиторы создадут шедевры в этих формах. Развивая новые формы, мы откроем скрытые до сих пор богатства — новые оттенки и новую прелесть нашей музыки.

Спор затянулся. Явер упорно стоял на своем, Расим возражал. Но увидев, что Явер по-настоящему горячится, схватил его руку, крепко пожал и встал.

— Мудрые отцы дали нам хороший совет: зло ясного дня лучше добра темной ночи. До свиданья, будьте здоровы!

Мединэ обрадовалась, когда наконец далеко за полночь Расим ушел. Ей от души хотелось, чтобы он больше не приходил.

5

Но на третий день, к вечеру, раздался звонок. На этот раз Расим пришел один. Под мышкой у него была коробка с долгоиграющими пластинками. Первой он поставил увертюру к сцене «Ченлибель» из оперы «Кёр-Оглу». Азербайджанская музыка в исполнении симфонического оркестра гремела, бушевала, как бурное море, поражала своей неиссякаемой мощью.

После «Кёр-Оглу» они прослушали «Грезы любви» Листа. Как-то получилось так, что Явер и Мединэ до сих пор не были знакомы с этим замечательным произведением, воспевающим чистую, возвышенную любовь. И оно поистине очаровало их! Как правдиво, как волнующе выражены в нем благородные чувства и порывы, радость и боль любящего сердца...

Они снова заговорили об искусстве. Явер не возвращался уже к прежней теме, и Мединэ почувствовала: теперь он держится

осторожнее. Казалось, Расим тоже старается не возвращаться к этой теме, чтобы не задеть слабое место Явера. Вообще художник не принадлежал к людям, постоянно старающимся подчеркнуть свое превосходство. Как правило, он внимательно и учтиво выслушивал собеседника, умел находить в человеке хорошие стороны и радовался им, а сам возражал спокойно, говорил вежливо и мягко. У Мединэ создалось впечатление, что после общения с Расимом человек сам как-то вырастает в собственных глазах, возникает желание быть опрятным и красивым во всем — и в одежде, и в разговоре, и в поступках.

Так художник стал своим человеком в доме Явера. Он появлялся каждые два-три дня. Сидели, мирно беседовали. Однажды снова речь зашла об искусстве. Больше всего говорили на этот раз о живописи. Расим разглядывал репродукции картин, которые повесила в комнате Мединэ. На одной была изображена девушка — сборщица винограда, на другой — снежные горы. Обе картины — изделия Художественного фонда. Под этими скорбными детищами корысти не было даже подписи автора.

— Мединэ-ханум, придется, как видно, и вас покритиковать. Что это значит, одно время вы нападали на художников-маляров, а теперь сами украшаете их мазней ваши комнаты? — впервые Расим задел Мединэ.

— Что делать, ничего другого не нашлось! Развесили то, что смогли достать.

— Один из моих знакомых продает хорошую копию картины Бехруза Кенгерли «Дорога в Яшхана». Я вам советую приобрести ее и повесить на место вот этой. — Расим указал на сборщицу винограда. — Всмотритесь в это прекрасное полотно, созданное тридцать лет назад, почувствуйте все богатство этого пейзажа, и тогда вы сами избавитесь от уroda. А взамен... — Расим указал на аляповатое изображение снежных гор, но Явер не дал ему докончить.

— Взамен я повешу ее изображение, — сказал он, широко улыбаясь и глядя на Мединэ.

Краснея под взглядами двух мужчин, Мединэ возразила:

— Ну-ну, скажешь такое! Зачем здесь вешать фотографию? Лучше я найду какой-нибудь живописный портрет.

И вдруг счастливая мысль озарила Расима. Широко раскрытыми от радости глазами он глядел то на Мединэ, то на Явера:

— Если позволите, я исполню и ваше желание, Явер, и ваше, Мединэ-ханум. Это будет одновременно и портрет Мединэ-ханум и живопись.

При этом неожиданном предложении супруги невольно переглянулись. Мединэ еще не решилась заговорить, как вдруг Явер ответил:

— Прекрасная мысль! Мне давно хотелось иметь портрет Мединэ!

Расим далеко улетел на крыльях мечты. Перед его глазами был портрет красивой, благородной женщины высокой души, чистого сердца. А Мединэ все еще колебалась. Ей казалось нелепым — часами позировать перед художником ради портрета. Отказаться тоже было бы нехорошо. Ведь ее муж уже согласился — как видно, от всей души. Противоречивые чувства боролись в сердце Мединэ. Ей уже не хотелось, чтобы скорее наступил вечер, чтобы Расим ушел от них. Казалось, даже стены комнаты становились теплее от его дыхания, казалось, им тоже хочется слушать его мягкий голос.

— Итак, когда начинаем? — обратился Расим к Мединэ.

Она посмотрела на мужа, потом на Расима. Их взоры встретились. И Мединэ показалось, что в глазах художника сияет всеми цветами радуги неведомый до сих пор ей, таинственный, манящий, чудесный мир. Это был пламенный, волнующий зов, он обещал бесконечную радость. Но к чему приведет этот мир грез, эти сладостные обещания? Мединэ не успела ответить, как услышала откуда-то издалека голос:

— Если все согласны, давайте начнем скорее!..

Голос этот, впервые прозвучавший для Мединэ как чужой, доносящийся к ней как бы из далекой дали, был голосом ее мужа. Будто сам Явер вел ее за руку, подбадривая, толкал в тот волшебный и в то же время страшный мир, куда звал ее художник.

— Это не утомит вас? — спросила Мединэ, улыбаясь старому школьному товарищу едва заметной, растерянной улыбкой, и покраснела. Улыбка эта, видимо, смутила и художника.

— Что вы, мне очень приятно, — ответил он и снова взглянул на Мединэ безразличным как будто бы, а на самом деле полным тайных обещаний взглядом, Мединэ увидела в этом взгляде силу, способную покорить волю человека. Она опустила голову и робко проговорила:

— Хорошо...

6

На следующий день к вечеру Мединэ, пообедав с маленькой Лейлой и мужем и убрав посуду, принарядилась в ожидании Расима. Но часы пробили семь, а Расим не пришел, пробили восемь — его все не было. Мединэ забеспокоилась.

— Не случилось ли с ним что-нибудь? — сказала она, с тревогой глядя на мужа.

— А что могло случиться? Наверно, задержался где-нибудь на собрании, иначе позвонил бы. Он ведь очень аккуратный. Если что обещает — обязательно выполнит. И, говорят, исключительно талантливый художник. Знатоки считают, что он подает большие надежды.

— И в школе он был одним из самых способных, — подтвердила Мединэ, — довольно было ему один раз прослушать объяснения учителя, все запоминал.

— Мне особенно нравится его скромность. Никогда о себе не говорит. А ведь есть такие, что только о себе и думают. У них что ни слово — Я да Я! Противно становится.

Мединэ понравилось, что муж так одобрительно отзывается о Расиме. Как хорошо, что они подружились! С такими друзьями живется легче. Мединэ хотелось еще раз спросить: «Почему же он не приходит?», — но она сдержалась. В эту минуту зазвонил телефон. Мединэ взяла трубку. Говорил Расим. Он сразу узнал ее.

— Здравствуйте, Мединэ-ханум, — сказал он и, помолчав, печально добавил: — Я прошу извинить меня за то, что не сдержал обещания. Вы знаете, у нас в союзе было очень важное собрание.

— Ну что ж, придете завтра, — сказала Мединэ и сама испугалась своего дрожащего голоса.

— В том-то и дело, что и завтра мне не удастся прийти, — смущенно ответил Расим, — мне необходимо на десять — пятнадцать дней уехать в Нуху, Кахи и Закаталы. Итак, до свидания. Вернусь, увидимся.

Расим еще что-то говорил, но Мединэ уже не слышала его слов. Теперь все внимание ее было приковано к мужу. Она жалела, что с самого начала не передала ему трубку, и виноватыми глазами глядела на Явера. И муж не отрывал глаз от нее. Но в его глазах был не упрек, а рассеянное, задумчивое молчание. Как будто он старался по ответам жены догадаться, о чем говорит с ней Расим.

Неожиданный отъезд Расима отчасти огорчил Мединэ, но скорее она была рада, потому что все еще не могла представить себе, как будет позировать художнику. Может быть, так все и забудется? Во всяком случае, у нее теперь было достаточно времени, чтобы обдумать все и подготовиться. Но вышло так, что Мединэ не удалось ни подумать обстоятельно, ни узнать, как отнесется муж к поездке Расима. Едва она положила трубку, как раздался резкий звонок. Услышав рыдания соседки Мариам, Мединэ побежала к двери.

— Что с тобой, Мариам-баджи?

Мариам зарыдала еще громче:

— Пропала я, Мединэ, посадили моего сыночка!

Мединэ не поверила своим ушам. Какого сыночка, кого? Ведь все соседи знают, какой умный, серьезный мальчик Назим. И в школе никто не жаловался на него. Никто о нем плохо не думал. После уроков он обычно играл во дворе, и все считали это вполне естественным. И вдруг он попал в милицию! Мединэ была потрясена.

Она повела Мариам в комнату:

— Но за что же его арестовали?

— Не знаю, милая, родная, не знаю! Верните мне моего сыночка, не выдержу, умру я! Ох! Ох! — все громче рыдала Мариам.

Мединэ с мольбой посмотрела на мужа. Явер понял: обе женщины ждут от него помощи. Он позвонил в милицию и узнал, что в последние месяцы Назим связался с плохими ребятами. Среди белого дня на приморском бульваре, в дальней пустынной аллее они подрались. Кого-то ранили ножом. Мальчишки бросились врассыпную, но их поймали.

Для Мариам это была настоящая трагедия. Она прийти в себя не могла от горя. Мединэ и Явер долго старались успокоить ее. Наконец, уже поздно ночью, Мариам проводили домой. Явер обещал: «Завтра что-нибудь придумаем». Но и на следующий день не удалось вызвать Назима.

Тогда совместно с несколькими соседями Явер и Мединэ написали заявление, пошли к начальнику милиции, к прокурору, дали письменное поручительство и наконец вернули мальчика его матери. Назим получил условное наказание.

Этот случай явился толчком для Явера. Он стал присматриваться к детям, играющим во дворе. Уходя на работу и возвращаясь, он задерживался под разными предлогами, незаметно следил за детьми. Даже у себя дома продолжал наблюдения. Пообедав, смотрел из окна, выходящего во двор, на детей, — как они играют, как ведут себя без взрослых. Вскоре он заметил, что во двор приходят и посторонние дети. Ребята поменьше, девяти-, десятилетние в большинстве вели себя хорошо, играли тихо и спокойно, не ссорились, не уходили со двора. А мальчики постарше, двенадцати-тринадцати лет, казалось, не находили исхода для своей кипучей, переливающейся через край энергии. Им тесно было в своем дворе. Они бегали в чужие дворы, на улицу. А Явер знал, какими опасностями чревато это в таком большом городе, как Баку. Что же делать? Можно ли сказать ребенку: сиди взаперти дома, не встречайся с ровесниками, не развлекайся? Школа, дом — и все? Явер был педагогом, он знал, что ни одному ребенку нельзя сказать этого.

— Мединэ, вся беда в том, что дети во дворе беспризорны. Завтра Назима могут завлечь в другую шайку. А не Назима, так еще кого-нибудь. Давай поговорим с соседями, организуем дворовый комитет. Пусть все взрослые по очереди начнут заниматься с детьми, организуют их игры, развлечения, отдых. Как ты думаешь?

Предложение мужа пришлось по душе Мединэ. Она даже пожалела, что сама не додумалась до этого. Ведь если осуществится план Явера, Мединэ тоже сможет заняться общественной работой. У себя дома, за домашними делами она часто тосковала, чувствовала себя оторванной от общества, от окружающей ее кипучей жизни. Мединэ окончила педагогический техникум, три года проработала

в детском саду. Потом как-то так получилось, что она ушла с работы. В первое время ей было даже приятно — она отдыхала, читала книги, но безделье скоро наскучило, и обвиняла она в этом только себя.

Мединэ переговорила с соседями, рассказала им о предложении мужа, наведалься в домоуправление. Жильцы избрали дворовый комитет, куда вошло пять домашних хозяек, а председателем комитета выбрали Мединэ. Теперь, возвращаясь домой, Явер заставлял жену в хлопотах. Ее волновали новые идеи, она вся жила ими. Явер давал ей советы, приносил книги. Постепенно работа с детьми наладилась, новые начинания, одно интереснее другого, занимали, увлекали Мединэ. Однажды Явер шутливо сказал ей:

— Даже штатной работе ты столько времени не отдавала бы! Мединэ, ты слишком увлеклась.

Мединэ призналась:

— Скажу тебе правду, Явер, я всегда думаю о том, что мы поручились за мальчика. Надо сдержать данное слово. И потом...

Мединэ помолчала, посмотрела на мужа, улыбнулась:

— И потом, хочу, чтобы и обо мне писали в газетах.

— Ты достойна, чтобы тебя воспевали поэты! — сказал Явер, целуя ее.

Обрадованная похвалой, Мединэ продолжала:

— Очень интересная работа, Явер. Я совсем не устаю. Спасибо, что ты надумил меня. Если бы ты знал, как удивителен мир детей! Сколько в нем неразгаданных тайн! Какие они все добрые по натуре, ласковые! Просто не хочется расставаться с ними. Когда отыщешь правильный подход, даже самый избалованный ребенок становится мягким, как воск, послушным. Теперь я твердо убеждена, что нет на свете плохих детей, есть только плохие воспитатели.

— Верно, верно, — подтвердил Явер и улыбнулся, довольный. «Мединэ будет прекрасной воспитательницей, принесет счастье мужу и в этом», — подумал он. Им не придется испытать самую страшную скорбь, какая только бывает на свете, — скорбь из-за плохих детей.

Занятые новым делом, и Явер и Мединэ, казалось, совсем забыли о художнике. Только однажды Мединэ увидела во сне человека, очень похожего на него. Это был странный сон. Накануне целый день она пробегала по делу Назима, наконец привела его домой и в час ночи, довольная, счастливая, но усталая, легла и уснула крепким сном. Во сне она увидела себя в дремучем, непроходимом лесу. Какой-то человек с лицом, густо заросшим волосами, стоял, привязанный к огромному, старому дубу. Тщетно пытаюсь порвать свои путы, человек этот жалобно кричал, звал кого-то на помощь. Его большие карие глаза напомнили ей художника. Мединэ бросилась, чтобы помочь пленнику, и в этот миг исчезло все — и дремучий лес, и дуб, и привязанный к нему человек...

Художник, затерявшийся в чудесных садах Закатал, появился так же внезапно, как и уехал. Явер и Мединэ сидели за вечерним чаем. Как обычно, беседовали, слушали радио, играли с маленькой Лейлой. Раздался звонок. Явер открыл дверь.

— А вот и «хороший дядя»! — громко воскликнул он. — Где это ты запропастился?

Мединэ хотела выйти в переднюю, но, почувствовав, как радостно-тревожно забилось сердце, остановилась. Вошел художник и вежливо поздоровался. Мединэ заметила, что глаза его как бы подернуты дымкой — так туман застилает весеннее утро.

— Что-то затянулась ваша поездка. Садитесь же, — сказал Явер.

Художник сел в кресло. Сел, как человек, измученный долгой тоской и жаждой. Он даже как будто осунулся. Отвечая на вопросы Явера, он начал рассказывать об увиденном во время поездки, о богатой и дивной природе тех мест, где побывал, рассказал и о новых своих произведениях, над которыми начал работать. Так прошел весь вечер. Только уходя, уже в дверях, Расим напомнил, что с завтрашнего дня начнет портрет Мединэ.

— Я уже готов, все у меня созрело здесь, — сказал он и положил руку на сердце. — Значит, договорились?

— Боюсь, опять что-нибудь помешает вам. На этот раз поедете на Алтай, — улыбнулась Мединэ.

— Нет, больше никуда не поеду. С завтрашнего дня начинаем.

7

Теперь, как только время подходило к семи часам вечера, Мединэ спешила в спальную. То надевала шелковое платье в маленьких желтых цветочках, которое очень ей шло, то шерстяной костюм, меняла чулки, поправляла волосы, на несколько мгновений задерживалась перед зеркалом, любуясь собой. Мединэ не принадлежала к числу женщин, которые пользуются косметикой, как артист гримом. Ни разу в жизни она не красила губы. Любила слегка напудриться и надушиться, когда собиралась с мужем в кино, в театр или в гости к кому-нибудь из друзей. Но это бывало не часто — два-три раза в месяц. А теперь она стала ежедневно следить за своим туалетом. Поначалу это даже нравилось Яверу, ему всегда хотелось видеть жену красивой и привлекательной. И все же, заметив, что жена что-то уж слишком принялась ухаживать за собой, Явер, видимо, что-то заподозрил. Он вспомнил, что прежде она редко надевала желтое платье в цветочках, даже возражала, когда он просил ее об этом:

— Почему ты не расстаешься со своим кухонным платьем, надень новое!

— Зачем напрасно мять его, дома и так сойдет!

Теперь же Мединэ каждые два-три дня усердно гладила это самое желтое платье, которое так шло ее тонкой талии и округлым плечам. Но Яверу не хотелось думать о жене плохо. Он верил ей, гнал сомнения прочь. Он был бы глубоко несчастен, если бы своими подозрениями хоть на миг огорчил ее. Поэтому Явер старался подавить в себе сомнения, которые возникали в нем, когда он видел чрезмерную заботу Мединэ о своей наружности. Явер ни слова не говорил, молчал, но невольно начал следить за женой.

А Мединэ считала все это вполне естественным. Она старалась убедить себя, что тут ничего плохого нет. Ведь к ним в дом приходит посторонний человек, и он, как друг мужа, часами сидит у них, разговаривает, пьет чай, слушает музыку. Иногда они играют в нарды. Было бы неловко выйти к нему — к гостю — в затрапезном платье, от которого за версту несет жареной картошкой и луком. Так Мединэ внутренне оправдывала себя. Она не допускала и мысли о том, что в ней пробудилось желание нравиться Расиму, что желтое платье в цветочках надевает она для него, для Расима. Она не знала, что в ее жестах, в разговоре, в глазах заметно какое-то необычное оживление. Она напоминала теперь человека, который задремал в мрачный зимний вечер и перед которым внезапно во всей своей красоте предстали весна и тучи. Все это будит его — спящего, рождает в нем неясные стремления. Да, неведомый, незнакомый ей мир, сиявший в больших карих глазах Расима, все сильнее звал и манил Мединэ.

По мере того как подвигалась работа над портретом, все сильнее разгоралось это влечение. Вначале Расим приходил два раза в неделю. Потом он стал появляться через день. Мединэ накрывала на стол, подавала чай, сахар, варенье, разные сладости, приготовленные ею, затем садилась позировать. Они беседовали о том о сем, и, так, беседуя, Расим брал кисть и незаметно, не торопясь начинал работать. Разговаривая, художник чаще обращался к Яверу, слушал Явера, делал вид, будто внимание его приковано только к Яверу. Но Мединэ знала: все это лишь внешняя форма обращения, до которой дошел современный цивилизованный человек, а на деле — тонкий занавес, с помощью которого художник скрывает свои мысли, занятые только ею. Даже ревнивые глаза мужа не могли проникнуть за этот занавес и увидеть то, что таится за ним. Расим вел себя так, что не вызывал у Явера и капли подозрения, напротив, всячески успокаивал его, а Мединэ непрестанно звал в свой многообещающий, волшебный мир.

Так прошли недели. Все ярче проступали контуры портрета. Хаотически набросанные краски все больше подчинялись законам гармонии и все ярче выявляли прекрасный образ, полный глубокого смысла и страсти.

Как будто из ничего, сквозь тучи пробивался луч света и, двигаясь, создавал пленительный образ. Однажды, взглянув на портрет, Мединэ

сама поразила. Художник отразил в глазах Мединэ неясные порывы ее сердца, страдание, которое она таила от всех. В прекрасном лице Мединэ, обрамленном каштановыми косами, казалось, пылало страстное, затаенное влечение. В то же время в портрете слышался зов и другого сердца, его тоска и жажда. Это были чувства художника.

Увидав портрет, Явер воскликнул с восхищением:

— Прекрасно! Сам Рембрандт не работал так вдохновенно над портретом своей Саскии! — воскликнул он и вдруг замолчал, как громом пораженный. Он прочитал на портрете то стремление друг к другу, которое таилось во взглядах Мединэ и Расима, в их жестах, мимике. Казалось, это был не портрет, а сказание о любви. Оно — это сказание — глубоко взволновало Явера, разбудило чувства, до сих пор спокойно дремавшие в нем — в нем, не знавшем соперника! И ему захотелось распахнуть свою грудь, показать бушующее в нем пламя, противопоставить любви художника свою большую любовь, которая жила не только в его глазах, а во всем существе, в каждом движении его души. Сказать: «Мединэ, взгляни, найди хоть частицу моего сердца, которая могла бы жить без тебя... Какой художник на свете сможет любить тебя сильнее, чем я?..»

Но, увы, уже поздно. Теперь эти слова покажутся Мединэ попросту смешными. Художник околдовал ее! Сердце Явера стеснилось при этой мысли, печаль застлала глаза. Словно усталый, изнуренный долгой дорогой путник, он почти упал на тахту.

И Мединэ и художник поняли, что чувствует сейчас Явер. Наступило тяжелое молчание. Во взгляде художника была и горечь и сожаление. Но он был беспомощен. Он не находил выхода... Душа его разрывалась от сознания вины...

Мединэ тоже растерялась. Впервые муж показался ей подавленным, беспомощным. Точно на плечи его свалился огромный, невыносимой тяжести груз.

«Что сделает, как поступит Явер? — пронеслось в голове Мединэ. — Неужели уйдет, бросит семью, родной очаг?» Глаза Явера смотрели на Мединэ нежнее, ласковее, чем прежде. Но в каждом жесте была какая-то сдержанная гордость.

Чувствуя на себе напряженные взгляды Мединэ и Расима, Явер думал:

«Что ему делать? Как поступить? Прикрикнуть на Мединэ, прогнать Расима? Но разве этим можно погасить влечение, которое зародилось в сердце женщины, затуманило ее глаза? Можно ли объяснить Расиму, какую опасную игру он ведет? Нет, это лишь ускорит назревающую трагедию и облегчит переход им обоим на путь, который, может быть, для них самих пока еще покрыт туманом. А что, если ничего особенного между ними нет? Если все это лишь плод ровнивой фантазии? И так может быть». Явер именно сейчас вспомнил

о семейной драме своего двоюродного брата. Жена его, принимая гостей, встретила слишком ласково одного из них. Заметив это, двоюродный брат Явера от ревности совсем обезумел. Он поднял руку на любимую жену, грубо оскорбил гостя — старого друга их семьи. На следующий день, возвратясь с работы домой, он нашел на столе такую записку: «Я не знала, что люблю этого человека. Я внушала себе, что люблю только тебя. Пощечиной, нанесенной сегодня мне, ты разбудил меня, и я поняла, что до сих пор жестоко ошибалась. Прощай, навсегда покидаю твой дом».

Нет, Явер не позволил бы себе такую грубую, дикую выходку! И потом: кому нужна любовь, не выдержавшая первого серьезного испытания? Если женщина, встретив человека более красивого, чем ее муж, стоящего выше него по положению, более прославленного, забывает все, какая польза от ее присутствия в доме? Пусть такая женщина поступает как хочет, пусть она уходит, куда желает!

Уже не глядя на Расима, Явер сказал жене:

— Ты знаешь, Мединэ, я совсем забыл, что у нас собрание в школе. Мне непременно надо быть там. Вы сидите, я вернусь.— И, не дожидаясь ответа Мединэ, окинув ее долгим, внимательным взглядом, он вышел. Этот взгляд, еще недавно согревавший душу Мединэ, теперь напоминал гаснущую золу костра. Мединэ не могла понять, почему Явер так поступил. Рассержен ли он? Ревность ли это? Или он хочет показать, что стоит выше мелких подозрений и по-прежнему безгранично доверяет своей жене? Она долго смотрела вслед, прислушивалась к звукам его шагов, пока он спускался по лестнице. Но чем дальше уходил Явер, тем сильнее тоска сжимала сердце Мединэ. Как неосторожное дитя, разбившее волшебное хрустальное зеркало, которое случайно попало к нему в руки, она терзалась, сознавая, что не смогла уберечь драгоценное сокровище. К чему эти мучения? Разве не была она счастлива с мужем? Правда, ее счастье было похоже на тихую, спокойную речку. Она не волновалась, не заливала берега. Ну что ж, каждый живет по-своему, каждый понимает счастье по-своему, и, наконец, у каждого свое счастье. Вот это — мое счастье. «Да, нам надо распрощаться!» — твердо решила она.

Вернувшись в комнату, она оказалась лицом к лицу с художником. И когда ее глаза встретились с глазами Расима, вся ее решимость растаяла как туман. Мединэ остановилась, словно лишившись внезапно дара речи, прислонилась к стене. В карих глазах Расима, во всем его облике была бесконечная печаль. В томительной тишине они глядели друг на друга. Мединэ показалось: в эти мгновения вся ее воля, жизнь, судьба в руках Расима, он может сделать все, что захочет. Как бы поняв это, художник взял ее за руку, подвел к тахте, усадил:

— Я знаю, что поступаю плохо, но это не в моей власти.

Мединэ охватила холодная дрожь. Как больная, пришедшая в себя после приступа лихорадки, она отодвинулась в сторону, отстраняя его рукой:

— Прошу вас, не говорите так. Вы же видите, что я замужем, у меня дочь. Вы можете найти свое счастье с другой, любая хорошая девушка выйдет за вас замуж.

Художник не отрывал глаз от Мединэ. И она смотрела в эти глаза. С просьбой, с мольбой она неотрывно глядела на него. В глазах художника была та ясность и решимость, которые рождаются не от мимолетных порывов, а только от глубоких сердечных потрясений.

— Я не скажу вам, что любил вас еще в школе. Такая ложь ни к чему. Но если я вам скажу, что в годы, когда мы жили, не зная друг о друге, я посвящал свою жизнь только искусству, это тоже было бы ложью. Были женщины, с которыми я встречался, был близок, но ни одна из них не очаровала меня так, как вы, ни одна из них не обещала мне такого большого, необъятного счастья.

Художник говорил, и сердце Мединэ то смягчалось, то снова становилось твердым как камень. Она чувствовала себя все уверенней — опасные мгновения миновали, остались позади. Те мгновения, когда человек, ни о чем не думая, словно с завязанными глазами, готов броситься в пропасть. Те мгновения уже не повторятся!

— Я верю в искренность ваших слов, вашего чувства. Но женщины, подобные мне, всегда должны подчинять свои чувства и страсти разуму. Может быть, с вами я в самом деле достигну еще большего счастья. Но какой ценой? Ценой всей жизни человека, безраздельно отдавшего мне свое сердце, ценой будущего моей маленькой дочери! Нет, Расим, ни вам, ни мне такого счастья не нужно.

— Вашу дочь я буду беречь лучше родного отца, — возразил художник. — Поверьте, я не легкомысленный человек. Я все обдумал. За эти два месяца я пережил муки многих лет. И я не случайно уехал тогда из Баку. Мне хотелось убежать от себя и от вас. Не вышло! Что поделаешь, Явер тоже поймет нас. Неужели он будет счастлив, когда увидит, что вы остыли к нему, что его очаг, его семья не согреваются прежней душевной теплотой?

— Может быть, все это правда. Но не для меня, а для других женщин! Я знаю, есть женщины, — полюбив снова, они ни с чем не считаются, уходят, бросают домашний очаг, детей. Я их не виню. Может быть, это их право. Но я вижу свое право в другом. Такие женщины, как я, ищут счастье в своей совести, чести. Один раз споткнувшись, упав, они остаются калеками на всю жизнь, не могут подняться вновь. Я знаю, найдутся люди, которые назовут таких, как я, слабыми, трусливыми, черствыми. Ну и пусть! Это не страшит меня.

Художник отвернулся, чтобы Мединэ не увидела слез в его глазах.

— Вы заслуживаете большей любви, Мединэ! — прошептал он. Потом указал на портрет.— Подарите мне еще два вечера, чтобы закончить его...

С трудом удерживаясь, чтобы не расплакаться, дрожащим голосом Мединэ сказала:

— Лучше оборвать на этом. Не надо заканчивать.

Она встала и направилась к двери.

Расим надел пальто.

— Позвольте в последний раз пожать вашу руку. Обещайте мне, что не будете думать обо мне плохо. И еще запомните: у вас есть друг, и он в трудную минуту готов исполнить вашу волю, как покорный раб. Хорошо?

Не глядя ему в глаза, Мединэ утвердительно кивнула головой и, поспешно закрыв дверь, бросилась на тахту. Одно желание было теперь у нее: разрыдаться, смыть потоками слез тяжелые, смутные чувства, наполнявшие грудь. Но она не могла плакать, что-то мешало. В эту минуту раздался звонок. Вернулся Явер. Мединэ думала, что он воротится сердитым, гневным. Но он по-прежнему был приветлив, тих, спокоен,— а может быть, старался выглядеть таким. Только черную тень печали под глазами он никак не мог скрыть. Мединэ показалось, что никогда уже не удастся стереть с лица Явера эту тень. Пропустив его в переднюю, она тут же обняла его, положила голову ему на плечо:

— Явер, милый...

И, не выдержав, разрыдалась.

Явер вытер слезы жены, поцеловал ее в голову, погладил:

— Глупенькая, что с тобой? Не плачь, ребенка разбудишь.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Пери-Хала и Ленин. <i>Перевод В. Василевского</i> . . .	3
Что говорит земля... <i>Перевод В. Василевского</i> . . .	31
Орел в клетке. <i>Перевод В. Василевского</i>	37
Сердце Мединэ. <i>Перевод Б. А. Турганова</i>	41

Мирза Ибрагимов

СЕРДЦЕ МЕДИНЭ

Редактор М. М. Жигалова.

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 27.08.81. Подписано к печати 26.11.81.
А 00469. Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Учетно-изд. л. 4,07.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 2574. Зак. № 1192. Цена 25 коп.

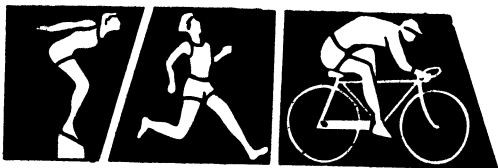
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты
«Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.

Индекс 70668

СПОРТЛОТО

Спортивная денежно-вещевая лотерея «Спринт» популярна в стране. Доходы от лотереи направляются на развитие физической культуры и спорта, строительство спортивных сооружений.

Несколько секунд требуется, чтобы узнать, выиграли вы или нет. Выигрыш обозначен на билете.

Ежегодно в «Спринте» разыгрывается около 3 тысяч автомобилей, в том числе «Волги ГАЗ-24», «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», 660 мотоциклов и денежные выигрыши — от 1 до 10000 рублей.

В лотерею «Спринт» выигрывает каждый пятый билет. Стоимость билета 50 копеек, в специальных выпусках 1 рубль.

Главное управление
спортивных лотерей

